

Стихи 2010-2011 гг. Избранное.

**«Время»
Москва
2012**

Лариса Миллер
«Четверг пока необитаем»
Стихи

Москва
2012

«Время»
Поэтическая
библиотека
Серия основана в 1993 году

Редактирование и корректура
Лариса СПИРИДОНОВА

Корректор Ирина МАШКОВСКАЯ

Художественный редактор
Макет, оформление обложки
Валерий КАЛНЫНЬШ

Вёрстка
Светлана СПИРИДОНОВА

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
М60

Миллер Л.Е.

Четверг пока необитаем. – М.: Время, 2012. – 160 с.

ISBN 978-5-9691-0718-2

Любители поэзии хорошо знакомы с творчеством Ларисы Миллер. Её лирику отличает тонкое чувство прекрасного, открытость, безупречный вкус. Удивительно, но в наше прагматичное время именно такие стихи – лёгкие, летящие, полные радостного изумления и повседневным, и высоким, стихи, в которых даже грусть окрашена в светлые тона, оказались нужны людям. Страницу «Стихи гуськом» в блоге Ларисы Миллер ежедневно посещают сотни читателей, многие оставляют отклики: «Вы разговариваете именно со мной», «Это так хорошо – видеть Ваши стихи каждый день!», «Голос летящий, как паутинка на ветру...». В новую книгу вошли стихи, написанные в 2010 – 2011 гг.

Краткое содержание

I. «Бессмертной я уже была» - 3

II. «Точнее о счастье» - 46

III. «Теряю всё и всем владею» - 81

Полное содержание - 97

Тетрадь первая

Бессмертной я уже была.

*Зачем лета свои считать?
Уж лучше, как они, летать.
«Вам сколько?», - спросят. «Не считала
Я просто, знай себе, летала
И у летящих лет крыла
Порою на прокат брала».*

И с каждым днём мне всё милее
Земная эта ахинья,
Где тьма деталей и примет
Пленительных, а смысла нет.
А смысла нет ни в том, ни в этом,
И мир блажит, и мы с приветом.

На свет не рождённые, не торопитесь родиться.
Вы лучше попробуйте небытием насладиться,
То, бишь, бестелесностью, неуязвимостью дивной.
А жизнь подождёт. Что с ней делать – такой агрессивной?
«Покой, безмятежность» – в вещах замечательных этих
Она не сильна. Оставайтесь, пожалуйста, в нетях.

Послушай, комарик, мы крови одной!
Пока я спала, своего ты добился!
Ты крови моей до отвала напился,
И ты мне теперь ну совсем как родной,
А значит, как я, на лету, в кураже
Ты кровью, насыщенной адреналином,
Напишешь стихи о житье комарином.
Летаешь? Зудишь? Может, начал уже?

То самолёта дикий гуд,
То электрички рёв свирепый.
Шаг безрассудный и нелепый
На лето поселиться тут.
Дрожат от гуда дом и сад.
Но, чу! Всё пролетит, проедет –
И обнаружишь: мир сей бредит
Всё тем же, чем века назад.

Ну, зачем мне вояж, дальний рейс, кругосветка?
Ну, зачем это всё, если старая ветка,
Про которую я много раз говорила,
Меня снова вниманием нынче дарила?
То молчала со мной, то со мною шепталась.
Много ль верных друзей в этом мире осталось?
Да и если остались, то видимся редко.
То ли дело в окно мне глядящая ветка.

Мы так любим друг друга. Ну, сделай для нас исключение:
Или сам помоги, или ангелам дай поручение,
Чтоб держали нас здесь, даже если все сроки пройдут.
Разве это такой уж для вас, небожителей, труд?
Мы ведь делаем то, что и вы: добавляем сердечности
И любви, что, как воздух, нужны и мгновенью и вечности.

Засыпай, как дитя, и, поспав, просыпайся легко.
Лето круглые сутки. Не надо ходить далеко,
Чтоб увидеть, как ловко оно превращает в стихи
Ту житейскую прозу, в которой полно чепухи.
Как простой разговор превращает в хрустальную трель,
Как дежурный денёк, что похож на соседскую дрель,
Превращается в праздник, где ты средь почётных гостей,
Как ценитель и как вдохновитель подобных затей.

Диме Шеварову

Мне важно, чтоб было понятно ежу
Всё то, что ему я стихами скажу.
Мне важно, чтоб стихотворенье вертелось
У ёжика на языке, чтоб пыхтелось,
Свистелось оно, бормоталось легко,
Чтоб было воздушно и невелико,
И чтобы комочек из серых колючек
Без всяких хлопот находил к нему ключик.

Я всё время себя за свою приземлённость казню,
За свою неспособность, шутя, одолеть притяженье
Этой грустной земли. Вот и листья, терпя поражение,
Опадают на землю. И, падая, нашу возню
И обыденность нашу, и нашу земную тщету
Потихоньку возносят на сказочную высоту.

Ну что ж, будем вёсла сушить.
Нам некуда больше спешить.
Хоть путь, слава Богу, не весь,
Давай остановимся здесь.
Пусть лодочка тихо стоит,
Пусть что-то ещё предстоит.

Мне время внушает: «Учись у меня.
С задачей своей я прекрасно справляюсь,
Я с кем захочу без труда расправляюсь,
Одной лишь неверности верность храня».

Мне время внушает: «Забудь о корнях,
И связях, и узах – взглянула и мимо.
Что-что – ты сказала, - тобою любимо?
Отлично, я с этим покончу на днях».

Мальчишка милый, как люблю я
Твой голубой, лучистый взгляд,
Твою улыбку озорную,
Когда ты в чём-то виноват.
Мне хочется бродить часами
С тобою рядом по Москве,
И губы почему-то сами
Всё улыбаются тебе.

.....

Хоть было всё наивно, зыбко,
Но нас не стёрли в порошок:
И живы память и улыбка
И недописанный стишок.

1958-2011

Не спотыкаться о порог, не хлопать дверью,
А лишь с доверьем ко всему – хвала доверью! –
Переходить из года в год, из суток в сутки
Так незаметно, будто служит ангел чуткий
Поводырём. А он-то знает – всё едино.
Куда ни ступишь – золотая середина.

Е.Б.Ж. (Если буду жив)
Лев Толстой «Дневники»

Спасибо тебе, что ты нас посетило,
И нас обласкало, и нам посветило.
Я тоже, о лето, тебе посвящу
Сто тысяч стихов, коль слова отыщу.

О, как ты сечёшь и в любви и в надежде,
И в зыбкости их, и в нарядной одежде.
О, как же мне жаль, что уходишь уже.
Я жду тебя здесь через год, е.б.ж.

.....

Да можно ль под такими облаками
Воздушными быть быдлом, бурлаками
И, тяжело ступая и сутулясь,
Тянуть канаты так, чтоб жилы вздулись?

Да можно ль быть всё время страстотерпцем
С надорванным кровоточащим сердцем?
Кому ж тогда предназначались эти
Нерукотворные картинки в цвете?

Всё течёт, всё меняется. Кто же тогда недвижим?
Ведь и мы, даже если стоим или тихо лежим,
Продолжаем упорно сдвигаться куда-то туда,
Как небесное облако или речная вода.
Не меняется только способность меняться и течь.
Это даже приятно, что можно спокойно прилечь
И при этом утечь и уплыть от себя за версту.
Вот бы смыло течением ту роковую черту,
Ту последнюю, крайнюю. Ту, что незрима для глаз,
За которой течение продлится, но только без нас.

* * *

Ах, стрекоза «Большое коромысло»,
Не исчезай. Ведь ты мне вместо смысла.
Ты, как ответ на тот больной вопрос,
Какого не бывает у стрекоз:
Зачем? Зачем? Затем, чтоб чудный планер
На миг один в среде воздушной замер,
Присел, взлетел, вошел в крутой вираж.
И если даже большего не дашь,
О Господи, я буду благодарна
За крылышко, что нынче светозарно.

Чуть не забыла, что умру.
Когда я всё же спохватилась,
Сейчас же за перо схватилась,
Нетленку гнать веля перу.
Ведь без нетленки мне – труба.
Я гнать обязана нетленку,
Пока меня через коленку
Ломают шалая судьба,
Стремясь разрушить, вызвать шок.
Ну, как могу я быть инертной?
Ну, как мне, маленькой и смертной,
Бессмертный не строчить стишок?

А стихи уже есть, раз их можно мычать,
Раз их можно, как воздух, потрогать губами.
А стихи уже есть, хоть не стали словами,
Хоть я ведать – не ведаю, как их начать.

Впрочем, я не при чём. Я совсем не при чём,
И не мной потаённый процесс этот начат.
Но стихи уже есть – улыбаются, плачут,
Хоть пока и скрывают чему и о чём.

Начиная стихи, слепо шарить в молочном тумане,
Сам не зная ты где – на подъёме, на спуске, на грани.
Нужной рифмы дождись, и она тебе карты раскроет,
И дорогу укажет, и мостик воздушный построит.
Но, едва ты пойдёшь по дороге, указанной ею,
Рифма новая скажет: «Нет-нет, не туда. Сожалею».
И потянет тебя за собой так упрямо и властно,
Что подумаешь ты про себя: «Наконец-то всё ясно.
Наконец-то сошлось, как в задачке, решение с ответом».
Но последняя строчка отрежет: «Стихи не об этом.
Ты прислушайся к рифме и звучной, и точной, и дивной,
Что умеет прикинуться глупенькой, бедной, наивной.

Себя искала, а нашла тебя.
О, чудо! О, великая удача!
Не будь тебя, жила б в долине плача.
А так живу, ликуя и любя,
Ликую и любя, я, как в раю,
Живу в пропащем, горестном краю.

*«Ничего не поделаешь – вечность.
Ничего не поделаешь – дух».*
Борис Чичибабин

Нынче в прениях дали мне слово опять.
Говорю, видно, чётко. Слова не глотаю.
Да к тому же регламент всегда соблюдаю.
Разрешат пять минут – уложусь ровно в пять.
Да хватило бы, думаю, даже и двух,
Если слово содержит в себе бесконечность
И бездонность. И после короткого – «вечность»
Будет слово совсем уж короткое – «дух».

Здравствуй, утро, ну как тебе нынче светалось?
Здравствуй, сойка, ну как тебе нынче леталось?
Мой любимый, ну как тебе нынче спалось?
Разве это не чудо? Всё снова сбылось:
Вновь на свете и лето, и утро, и сойка,
Деревянная лёгкая наша постройка.

Тихо, пусто – подумала я по наивности.
Пригляделась – ого, сколько всяческой живности:
Муравьишек и мошек, жуков, червяков,
Разных крылышек, усиков, глаз, хоботков.
О, какое творится кругом копошение,
Что прямое имеет ко мне отношение.
Я ведь тоже, когда на земле завелась,
Устанавливать разные связи взялась.
Я ведь, стоило мне на земле поселиться,
Тоже стала тревожиться и шевелиться.
Я ведь тоже завишу невесть от кого
И не знаю последнего дня своего.
Так зачем же иду, ослеплённая далями,
И гублю своих ближних своими сандалями.

Я так любила ночничок!
Светился у совы зрачок,
И от зрачка шёл свет несильный.
Был под совой прибор чернильный:
Непроливайка с двух сторон
И пресс-папье. Был сладок сон,
Когда сова слегка светилась
В той комнате, где я ютилась,
Где мыши по углам скреблись.
О, память, ты ещё приблизь
Картинку и держи поближе
К сове, а то я плохо вижу.

Никто ведь не должен тебе ничего.
Ты праздника хочешь? Придумай его.
По песне тоскуешь? Так песню сложи
И всех окружающих приворожи.
По свету скучаешь? Чтоб радовал свет,
Ты сам излучай его. Выхода нет.

А счастье – всего лишь несчастья отсутствие.
Отсутствие горя. Ну, чем не напутствие
Дерзнувшим на тверди земной обитать?
Давайте же редкостным счастьем считать
Возможность дышать во вселенной, что славится
Вещами, с какими немислимо справиться.

Надеюсь, я чувства ничьи не задела,
Когда невесомое платье надела,
Когда, находясь в столь преклонных летах,
Надела воздушное платье в цветах.
Я знаю: не летом, так осенью где-то
Решит на меня наложить своё вето
Создатель, и нечет меня на чёт,
Меня принимать перестанет в расчёт.
Но я не умею легко относиться
К такому исходу. И в платье из ситца,
В котором мне лет моих точно не дашь,
Упрямо пытаюсь вписаться в пейзаж,
Стать частью опушки иль частью поляны,
Чья гибель не входит в ближайшие планы
Создателя нашего. Что ж, полежу
На травушке мягкой. А там погляжу.

Быть музыкой. Пусть даже чёрной ноткой.
Пусть даже еле слышимой, короткой,
Одной из тех, которых целый рой.
Быть чёрной ноткой, хоть тридцать второй.
Быть чёрной ноткой с хвостиком на спинке.
Спроси: «Зачем?» Отвечу без запинки:
«Ведь даже в ней, мгновенной, даже в ней
Метётся тень метущихся теней.
И в ней крупница волшебства таится,
И чудо без неё не состоится».

Спасибо, что погода есть.
Она ведь есть у нас всё время.
То дождик капает на темя,
То сушь и впору в воду лезть.

Я в среду рада, что среда.
В субботу рада, что суббота.
Мне быть счастливой так охота,
Ну, так охота, что беда.

Молчишь, Боже мой, Ты молчишь.
Но так, что заслушалась тишь,
Но так, что заря заалела.
Но так, что душа заболела.

Печальный месяц падающих звёзд
И с тихим стуком падающих яблок.
Почти умолкли и щегол и зяблик,
И происходит темноты прирост,
И плавно погружаюсь в темноту,
Но, слава Тебе Господи, не в ту.

Утекайте отсюда скорее, несчастные реки.
Не найдёте вы здесь ни любви, ни заботы вовеки.
Не стремитесь сюда, перелётные, вольные птахи.
Ну, зачем вам края, где живут в озлобленье и страхе?
Уходите отсюда деревья, хоть знаю – вам трудно
Вырвать корни из почвы. Но верьте – в отчизне подспудно
Зреет тёмное нечто. Ведь свойственно краю родному
Коль рубить – то под корень. Коль резать – то всласть, по живому.

В 1958-ом

Вот если пройду по бордюру, с него не сойдя,
То будет всё так, как мечтаю, но чуть погодя.
И он позвонит даже, может быть, через часок,
Лишь надо стараться, чтоб пятки касался носок.
Как трудно держать равновесие и не сойти
С бордюра ни вправо, ни влево, не сбиться с пути,
С пути, на котором я счастье хочу обрести,
Не ведая, что до него мне расти и расти.

Бессмертной я уже была.
И не одна, а вместе с мамой
И вместе с той оконной рамой,
Что мама мыла добела.

А смерть – она случалась с тем,
Кто из парадного другого,
И отношения никакого
К нам не имела, ну совсем.

Ну, разве что, прервав игру,
Глядели мы заворожённо,
Когда автобус похоронный
Неспешно ехал по двору.

Всё очень просто объясняется -
Жасминный куст цвести стесняется.
Он знает – стоит расцвести,
Как тут же я начну нести
Свой вздор восторженный, рифмованный,
Начну в тетрадке разлинованной
Ему сравнения искать,
Словами нежными ласкать,
Переменяя вздохи стонами.
Вот я стою перед бутонами,
А он перед моим крыльцом
Стоит с потерянным лицом.

* * *

Музыку жаль. Ведь она,
Если никто не играет,
Не напевает её,
От немоты умирает.

Музыку жаль. Ведь она
Столько сказать бы сумела,
Но до секретов её
Нет никому нынче дела.

Музыка, не умирай.
Необходимо дождаться
Тех, кому нужен твой рай,
Чтоб с этим адом сражаться.

*На 23 июня, когда световой день
сократился на одну минуту.*

1

Мгновенье пресветлое в белой панамке,
О, как оказалось ты в траурной рамке?
Ведь ты – простодушное, точно дитя, -
Пленяло нас, личиком ясным светя.
О, как ты порадовать всех нас хотело!
Ну кто совершил это чёрное дело?

2

Жасмин осиянный, сверкающий, чуткий
Взял знамя из рук убиенной минутки.
Взял светлое знамя и гордо несёт
В надежде, что он нас от мрака спасёт.
Увы, он надежды свои похоронит,
Увянет, осыпется, знамя уронит.

А если я вдруг пропаду, неужели не станут
Меня здесь искать? Неужели к Нему не пристанут,
Не спросят: «О, Боже, куда она запропастилась,
Ушла, испарилась и даже ни с кем не простилась?»
И если Господь им ответит, что годы, мол, косят,
Неужто, смирившись с ответом, искать меня бросят?

* * *

Один хандрит, другой сорит
Деньгами, третий всё кемарит.
А этот – знай себе – парит
И нас стихотвореньем дарит.
И я, как он, парить хочу.
Допью свой кофе и взлечу.

* * *

Четверг пока необитаем.
К нему мы только подлетаем,
И гаснет окон череда.
Это кончается среда.
И вот уже мы близко вроде
К чему-то, чего нет в природе.

* * *

И если, эту круговерть любя,
Я всё-таки уйду, то лишь в себя.
То в тишину свою и глубину,
Закрыв глаза, отважно загляну.
Мне так виднее, право же, видней
Весь тайный смысл скоротечных дней.

* * *

Всё ищешь опору? Боишься пропасть?
Всё ищешь к чему притулиться? Припасть?
Напрасно. Напрасно. Незыблемых нет.
Всё зыблемо: почва и кровля, и свет.

Но знаешь в чём всё-таки здесь благодать?
Что хрупким друг к другу дано припадать.
И знаешь что надо, чтоб мир этот жил?
Чтоб хрупкому хрупкий опорой служил.

* * *

Что делаем? Учимся быть.
Что делаем? Учимся плыть.
Ведь наша стихия – не заводь.
Здесь надо уменючи плавать.
То вынырнем, то поднырнём –
До смерти уроки берём.

Леночке Колат

А ты непременно себе заведи
Того, кто прижмёт тебя нежно к груди.
А если сие от тебя не зависит,
И если тоска свою норму превысит,
Тогда заведи, пустоту не любя,
Котёнка, чтоб спал на груди у тебя.

* * *

Зеркальным отражён стеклом
Под новым падает углом
Сегодня луч. И это значит,
Что счёт возможностям не начат,
И книг земных не истрепать,
И тайн земных не исчерпать.

Наверное, в ущерб сюжету
Лелею я минуту эту,
Не отпускаю от себя,
Сюжет волнующий губя.
Нет ни интриги, ни погони,
А лишь снежинка на ладони.

Слава Богу, я снова в небесную рамку вместилась,
Хоть, увы, ближе к краю из центра картины сместилась.
Вот проснулась и вижу в окно лучезарную рамку,
Не затем ведь вписалась в неё, чтоб тянуть свою лямку.
А затем, чтоб летать и не ведать отвесно ль, полого,
Лишь бы крылья расправить, что за ночь помялись немного.

Жемчужный снег, хрустальный воздух, птичка
В лесной кормушке. «Рай», - гласит табличка.
Перевернёшь табличку – слово «ад»
Прочтёшь, застыв у тех же самых врат.
Да-да, всё так: жемчужный и хрустальный,
Но и сиротство и исход летальный.

Но с течением времени, верю, с течением
Этой снежной зимы я вздохну с облегчением.
Ожиданием дышит любая строка.
Даже странно, что нет облегченья пока.
Снег так нежен, что с ним беспокойство не вяжется.
Так и кажется – всё потихоньку уляжется.

Как хорошо в летящем этом доме!
Он так летит сквозь время и простор,
Что кажется: оседлость – это вздор,
И много чем мы обладаем, кроме
Оседлости. Да и зачем она,
Когда и счастье и беда – без дна.

Рай какой – изумруд, бирюза!
Ну а я, как коза-дереза,
Что один ухватила листочек,
Проходя через шаткий мосточек.

Мне всё мало. Я всё голодна.
Как услышу желанное: «На,
Для тебя здесь и листья и травка»,
Отвечаю: «А будет добавка?»»

Держи меня крепко, сжимай мне запястье.
Быть вместе – такое печальное счастье.
Быть вместе – такая счастливая грусть.
И пусть нам немного осталось, и пусть
Родимый наш край Божья длань не ласкала,
Но в этом краю я тебя отыскала.

И чудится мне: не сейчас, так потом
Мне что-то такое расскажут о том,
Чему нет названья, такое услышу
Про то, чем дышу, от чего я завишу,
Про дом, где знакома мне каждая щель,
Про будней и праздников всю канитель,
Такое услышу, что ночью бессонной
«Ах вот оно что!», - прошепчу потрясённо.

Пока не придумал Создатель, чем кончить всё это
Мы будем блуждать в темноте или слепнуть от света,
По струнке ходить иль с пути то и дело сбиваться,
Года торопить, чтобы после по ним убиваться,
Хвалиться обновкой иль думать о перелицовке,
Покуда Творец не найдёт подходящей концовки.

Как всё же печально дела обстоят!
Те дни, что стояли, уже не стоят,
И улиц тех нет, по которым кружила,
И многих из тех, кем я так дорожила,
Не стало. И время сечёт, как картечь,
И не понимаю, как это пресечь.

Окрестности эти и тот окоём
На срок неизвестный мне сдали внаём,
И я растерялась, всем этим владея
И не понимая, зачем я и где я.
И только теперь в эту даль, в эту высь
Я так влюблена, что хоть снова родись.

Вот снег, вот полог голубой
А дальше дело за тобой,
Теперь – твой ход, твоя подача,
Дай пожелать тебе удачи –
Чтоб соответствовал ты сам
Просторам снежным, небесам.

А дело было летом в детсаду.
Я в мёртвый час спала на раскладушке.
Нет, не спала – смотрела на макушки
Деревьев в незапамятном году.

А на меня в тот тихий-тихий час
Смотрели небеса такой окраски
Невиданной. Мы спали на участке,
На воздухе укладывали нас.

И было столько звонких птичьих стай.
Всё расскажу. Мне только волю дай.

Посвящаю Вале и Ларисе Резникам

Нет, послушай, когда я работала в школе,
Я стишок задала второкласнику Коле
И забыла спросить. Ну а он весь урок
Повторял про себя эти несколько строк.
Повторял про себя и шептал их соседу.
Но не вспомнила я ни во вторник, ни в среду.
А однажды пришла ко мне Колина мать
И, смущаясь, сказала: «Не может он спать.
То ночами зубрит, то проснётся с рассветом».
Не приди она, я б не узнала об этом.
Боже, сколько же их – тех неведомых Коль,
Кому я причинила нечаянно боль.

Нас в детстве учили: «Скажи, мол, волшебное слово.
Тогда и не будут с тобой обращаться сурово».
С той самой поры говорю, говорю, говорю,
Прошу очень ласково, вежливо благодарю,
Волшебное слово с таким же волшебным рифмую,
Пытаюсь задобрить судьбу свою глухонемую.

Только не говорите, не надо, что наше горячее,
Наше топливо – мука и боль то тупая, то жгучая.
Только не говорите, что наше богатство – страдание.
Я-то верю, что я получила другое задание:
Отыскать все крупички и зёрна веселья и радости
И ценить их, как в детстве военном ценила я сладости.

А вдруг он приходил раскрыть секрет,
Поговорить об очень важном деле,
А вдруг он был особым днём недели,
Какой бывает только раз в сто лет.
Но было мне совсем не до того,
И я почти не слушала его.

* * *

Ну а моё четверостишье
Похоже больше на затишье,
Когда слышнее звуки те,
Что еле слышны в суете.

Остаться в картине, не выйти за рамки,
Остаться в спектакле, и чтобы в программке
Меня указали, остаться в киношке,
Хоть в кадре сметать после завтрака крошки.
И в книге безумной, и горькой, и сладкой
Остаться, остаться хотя бы закладкой.

Я малолетка. Я в Клину.
Я у Чайковского в плену.
Я тереблю промокший, мятый
Платочек. Плачу я над Пятой
Симфонией. Пластинку нам
Поставили. За дверью гам.
В музее людно. День воскресный.
А музыка с горы отвесной
Столкнула, снова вознесла.
Я плакала. Душа росла.

А в детстве моём золотом, негасимом
Так пахло любимым моим керосином.
Стоял в керосиновой лавочке звон:
Звенели монеты, прилавок, бидон.
Там дяденька в кожаном фартуке прочном
С утра и до ночи движением точным
Его разливал, разливал, разливал.
Он царством там сказочным повелевал.
Мой день был огромным. Мне лет было мало,
И я до прилавка едва доставала.

Я немного посплю. Ну а вы мне местечко держите.
На него хоть газету, хоть зонт, хоть ладонь положите.
Я люблю эту явь и хочу непременно вернуться.
Так держите мне место, чтоб было, куда мне приткнуться
После странного сна, сна, который и в силах и вправе
Сделать что-то своё из обрывков покинутой яви.

Это раннее утро – оно, как младенец невинный.
Что ему наша боль и усталость, и быт наш рутинный?
У него над душой не стояли ещё и над ухом
Не жужжали. Оно, в том, что было – ни сном и ни духом.

Боже, как хорошо улыбаться во сне
И, проснувшись под утро, опять улыбаться
Так, как будто бы всё начинает сбываться,
И зима на излёте, и дело к весне.
На излёте зима, но не ты и не я.
Вот проснёшься, шепну тебе: «Радость моя».

А весна, как обычно, взялась мне мозги полоскать,
То весёлым дождём, то лучами в лицо мне плескать,
Тёплым ветром ерошить мне волосы и уверять,
Что в поток переменчивых дней не опасно нырять.
Пусть плетёт кружева. Не прерву её трезвым: «Да брось!»
Ну, зачем же ей знать, что давно её вижу насквозь.

А круг, на котором я плавала, быстро спустил.
Мне лет было мало. Я плавать совсем не умела,
А мама не видела, мама на солнышке млела,
А я всё барахталась и выбивалась из сил,
Пока не нащупала пальчиком правой ноги
Спасительный камень в одежке из скользкого ила.
...Никак не пойму я, что в жизни случайностью было,
Что Божьим ответом на сдавленный крик: «Помоги!»

И с солнышком ложиться и с птичками вставать.
И ни к кому с вопросом «зачем?» не приставать,
Не упустить минуту летучую сию.
Ты ей отдашь всю душу – она отдаст свою.

Раз судьба всё ещё не захлопнула дверь перед носом,
Я могу помечтать, повздыхать, обратиться с вопросом,
Навести, если не по себе, всевозможные справки
Относительно редких пилюль и спасительной травки.
Я могу чей-то мудрый совет взять на вооруженье.
Всё на свете могу. Лишь хватило бы воображенья.

И только ветер в голове,
Один лишь ветер вешний, вешний,
Сырой, порывистый, нездешний.
Через минуту, через две,
А повезёт, то век спустя
Я так и буду, так и буду
На всех парах навстречу чуду
Стремиться, льдинками хрустя.

Я в движение мир этот не привожу.
Я в нём просто лежу и сижу, и хожу,
Просто солнце и воздух его потребляю,
С чем себя каждый раз от души поздравляю.
А сегодня при виде небесной каймы
Горстку слов у него попросила взаймы.

Я не помню, как я родилась
И как я на земле оказалась.
Я за мамой сперва увязалась,
А теперь вот с тобою слилась.

Я совсем не умею одна.
Я тебе, как спасению, рада.
Вот бы знать, что такая награда
Мне на вечные веки дана.

Жить сегодняшним днём и входить в его тонкости,
И служить чем-то вроде спасительной ёмкости
Для его мимолётных и хрупких вещей,
Что порой чудотворней священных мощей.
Например, тот снегирь, что на ветке качается,
Сам не зная того, помешал мне отчаяться.

Ты глаз на меня голубой положило,
Ты голову мне так чудесно вскружило,
Ах, небо, стою, подбородок задрав.
Мне нравится твой независимый нрав,
Бесшумный и снежный десант твой воздушный,
Оказанный душам приём твой радушный.

*Посвящается фильму
«Ёжик в тумане»*

Ёжик в тёмном лесу потерял узелок.
В узелке – всех счастливых мгновений залог.
В узелке – всё, что надо душе для паренья:
Много сладостей разных, включая варенье.
Но растяпу ежа не спешите жалеть.
Узелок – молодец. Он умеет белеть.
Пёс добрейший принёс его ёжику в пасти.
Всё здесь временно. Временны даже напасти.
И неважно, что там у судьбы на уме.
Наше дело – светиться, светиться во тьме.

С утра до вечера живу
И даже ночью, даже ночью.
То вижу всё это воочью,
То в тёмных волнах сна плыву.

А что ещё мне предложить
Здесь могут кроме тьмы и света,
Ночей и дней, зимы и лета,
Кроме как жить или не жить?

А где же конверт – чтобы с адресом, с маркой?
Где лист шелестящий с чернильной пометкой?..
Курсор подведи, затемни, сделай клик...
О, мир, до чего изменился твой лик!аа
Где почерк корявый? Где буквы с наклоном?
Да всё там, где надо, - во времени оном...
Запомнил и кликнул, и в буфер занёс...
Но где же письмо, что промокло от слёз?

Раз здесь родилась, то, наверное, так вот и буду
К тому, кто не смят, не распят относиться, как к чуду.
Читаю опять, как в советском аду в одиночке
Спасались, пытаюсь припомнить любимые строчки,
Как кто-то, под утро, вернувшись с допроса ночного
И зная, что вскоре он пыткам подвергнется снова,
Выстукивал в стенку, а узник в ячейке соседней
Ловил этот звук с благодарностью в день свой последний.

Со слова бы надо пылинки сдувать,
Ему бы, родному, скучать не давать,
К хорошим соседям его подселить
И долгое эхо ему посулить
В стране моей бедной, чьи тяжки грехи,
Но где почему-то ютятся стихи.

Я так ждала родительского дня
И чтобы мама забрала меня
Из группы. Мы в лесу гамак повесим.
Я буду петь. Я знаю много песен.
Читать стихи ей буду без конца.
Я маму жду. Я не уйду с крыльца.
Ей – с шишками еловыми корзинка,
Венок, букет и булки половинка.
Вон меж стволами золото волос.
Ах, мама, твой ребёнок не подрос.
Так и бегу с подарком припасённым
Тебе навстречу в платянице казённом.

Какая удача! Я чудом попала туда,
Где я не бывала доселе ещё никогда.
Какая удача! Открыла глаза и попала
Туда, где нога человека ещё не ступала.
Я в новое утро попала, где сказочно нов
Расцветенный свежими блёстками снежный покров,
Где новые песни слагает пернатый народец,
Где свежие ветры гуляют. Я первопроходец.
Я в новое утро попала – на тот материк,
Который неведом, загадочен, странен, велик.

Но надо было нас предупредить
Прежде, чем взять да и на свет родить,
Что мир для тех, кто нервами стальными
Не обделён, и горе с остальными:
Ну как их не ронять, не кантовать?
И кто им будет раны бинтовать?

В тени от белого крыла
Живу. Мой ангел, мой хранитель,
Ты цвета белого любитель.
И даже тень твоя бела.

Какие б ни мелькали дни,
Прошу не света избытка,
А чтобы ты, расправив крылья,
Держал меня в своей тени.

Надежда – врушка. Врёт и врёт. И пусть.
Её повадки знаю наизусть,
Смеюсь над ними, но люблю их нежно.
Нет для надежды слова «неизбежно».
Ну кто ещё, коль окажусь в аду,
Шепнёт: «Сейчас лазеечку найду».

Под синевой, что так густа,
Всё встанет на свои места.
Пусть событий срок неведом,
Пусть мы по горло сыты бредом,
Творящимся то там, то тут,
Но дни заветные придут,
Коль сохранил Господь печальный
Творенья план первоначальный.

А мир этот жив, потому что есть где-то иной,
Иной, безымянный, неведомый и неземной.
Оттуда сигнал то идёт, то почти угасает.
Но если нас что-то и держит и чудом спасает,
То не притяженье земное, а тяга к тому,
Что ни отыскать, ни назвать не дано никому.

А мама ко мне – своей маленькой дочке –
Врача позвала. Он часы на цепочке
Носил и хранил их в кармане жилетки.
О нём говорили, что доктор он редкий.
И я в его тёплых ладонях тонула...
Что время украло, то память вернула.
Вот эту картинку вернула мне ночью.
Цветная она, хоть изодрана в клочья.

Ах, весенняя льдинка! Забыв, что молчание – золото,
Я с тобой говорю. Ты растаешь иль будешь расколота.
У тебя ведь так быстро на жизнь истекают права.
А пока ты жива, тороплюсь, подбираю слова,
Чтоб сказать как права ты, что, тая, сверкаешь так весело,
И веселье есть свойство твоё, и оно перевесило,
Что умеешь искриться, мерцать, серебриться, любя
Те лучи, что, так радуя нас, убивают тебя.

О, до чего нетленна бренность,
О, как устойчива мгновенность
Всего, что населяет твердь.
О, до чего живуча смерть!

Уж как давно родились тьма и свет,
А всё живут, а всё им сносу нет.
И тьма – темнит, а свет – он ярко светит,
Он летом светлый праздник свой отметит –
Один из лучших праздников в году.
Коль пригласит, я с радостью приду.

О, как здорово нам временами втирают очки!
А возможностей сколько: синички, сверчки, светлячки,
И ручьи, и лучи. Этот список продолжить легко.
А желание верить – оно до того велико,
Что встречаю рассвет, хоть на свете не первый уж год,
Как спасительный выход, как счастливо найденный вход.

Хоть и делали больно порой, всё равно, как щенка, приручили.
Дали имя и в списки свои занесли. В общем, жить приучили.
Эту бедную землю топтать стало необоримой привычкой.
Не хочу, чтобы имя моё вдруг однажды пометили птичкой.
Вряд ли птичку поставят, решив дать какой-то подарок чудесный.
Нет, скорее мой адрес земной захотят поменять на небесный.

А Россия уроков своих никогда не учила,
Да и ран своих толком она никогда не лечила,
И любая из них воспаляется, кровоточит,
И обида грызёт, и вина костью в горле торчит.
Новый век для России не стал ни эпохой, ни новью,
Матерится она и ярится, и кашляет кровью.

Какие мы профи? Любители мы, дилетанты.
И те, что порхают и кружатся, встав на пуанты,
И те, что умеют по бешеным речкам сплавляться –
Они всё равно ведь не знают, как с жизнью справляться.
Мы все в этом деле любители – не виртуозы.
Отсюда бессонница наша и вздохи и слёзы.

А тишина меня боится.
Наверно, надо затаиться,
Наверно, надо не дышать,
Чтоб тишину не нарушать,
Или хотя бы в сладкой муке
Рождать не чуждые ей звуки.

Весна, я так завидую тебе!
Банальности твои не надоели:
Ни солнечные зайчики, ни трели,
Ни воды, что стекают по трубе.

Тебе расти не надо над собой,
Ты можешь повторяться сколько влезет,
Ведь всё равно твоим приходом грезят
И жадно ловят взгляд твой голубой.

А мама собирается на бал,
И жемчуг бел, и цвет помады ал,
На стуле серебрится чернобурка –
Её не любит мамина дочурка.
Берет не любит, что с распялки снят
И платье из панбархата до пят.
Ведь, значит, мама из дому уходит
И дочкин праздник из дому уводит.
Не надо было маму отпускать.
Вот где, скажи, теперь её искать?

Когда вспоминала о прошлом – не счёты сводила,
А тех, кого нету на свете, проведать ходила.
Дворы и подъезды, и комнаты их освещала
И с грустной улыбкой себя самою навещала,
Чтоб снова водить перьевой фиолетовой ручкой,
Чтоб снова побыть обожаемой дочкой и внучкой.

Заклинаю, стихи мои, вы не бросайте меня.
Вы ведь мой оберег, мой спасительный плотик, броня.
Не рождаю я вас, не пишу. Это всё заблужденье.
Ничего я не знаю про вас и про ваше рожденье.
Из каких вы краёв не пойму, и каких вы кровей
И не знаю, как вы оказались в тетрадке моей.

Сколько б лет тебе не было, ты умираешь ребёнком,
Простодушным и мало что смыслящим глупым телёнком,
У которого ножки совсем не стоят, разъезжаются, гнутся
И которому в бок материнский горячий так хочется ткнуться,
И который ещё не набегался, не наигрался,
И который пожить здесь в своё удовольствие только собрался.

А кто ещё поднялся на крыло
Сегодня? О, весенняя текучка!
Гуртов овечьих вешняя толкучка.
Подумать только – небо им мало.

Подумать только – праздники мои
Есть для весны обыденность и проза:
И по-цыплячьи жёлтая мимоза,
И снега с солнцем тихие бои.

А сегодня в спектакле играет не первый состав.
Звёзды поумирали, состарились или устали.
Но спектакль пленителен даже и в этом составе.
И такой, как он есть – он земного небесного сплав.
Хоть и мельче душа, и грубей и настырнее плоть,
Всё равно ещё видно, что действие замыслил Господь.

Ещё не хватало мне повода ждать.
Возьму – и воскликну, что здесь благодать.
Возьму – и без повода, так, наудачу
День самый обычный счастливым назначу.
Я больше судьбе своей в рот не смотрю –
Сама себе щедро подарки дарю.

* * *

Теперь часы живут, не тикая.
О, сила техники великая.
Когда бы ни пришла домой,
В углу Великий мой Немой.
Он ничего не комментирует,
Он просто молча нас третирует.
Он норовит у нас отнять
То семь минут, то шесть, то пять.
Взорвись, устрой ему истерику,
Сбеги в Австралию, в Америку,
В Саратов, к тётке, в глушь, в Эйлат –
Повсюду встретишь циферблат,
Где даже ночью цифры светятся,
Чтоб с ними легче было встретиться.

*«Можно ли так притеснять
Эти небесные пятна?»*

Владимир Соколов

Как хорошо, что всё необъяснимо,
Что облако плывёт, другим теснимо,
Что уплывает талая вода.
Подумать только – ведь и мне туда.
И мне туда же по дороге с ними –
Друзьями бессловесными моими.

Я в рощу за счастьем хожу. Благо рядом.
А нынче мне счастье доставили на дом.
Доставка не стоила мне ничего.
И я описать затрудняюсь его:
Не то сквознячок легкомысленный, вешний,
Не то свет в окошке какой-то нездешний.

А у сойки на тельце – небесные пятна.
Ведь летает она до небес и обратно
И на крылышках, так облегчающих вес,
Каплю краски приносит с лазурных небес.
Я никак на тебя не нарадуюсь, Боже,
Ты и небо придумал, и крылышки тоже.

Я ведь руку тяну. Ну спросите меня, ну спросите,
Безразличьем своим мой душевный порыв не гасите.
Я ведь руку тяну. Жду, чтоб вызвали, чтобы взглянули
На усилья мои. Ну а вдруг в этом будничном гуле
Хоть кому-то от слов немудрёных моих полегчает.
Вдруг скажу я такое, что каждый услышать не чает.

Ей-богу, всё до свадьбы заживёт,
До скромной свадьбы рыженькой зарядки,
Затянутся болезненные ранки,
И даже не потребуется йод,
А лишь весенний ультрафиолет
И первого тепла весёлый градус.
И ты узнаешь ту щенячью радость,
Которую ты знала в десять лет.

Я не сотрясала основ,
Но всё же устала порядком:
О, сколько беспомощных слов
Рассыпала я по тетрадкам!

И, Господи, как не устать,
Коль эти крючки, закорючки,
Как дети мешают мне спать
И просятся ночью на ручки.

А кто виновник торжества?
Новорождённая листва.
И феи, что на пир слетелись,
Во всё воздушное оделись.
И утро, просветлев лицом,
Поёт то славкой, то скворцом.

Опять про нас небрежно: «И другие».
А я-то думала – мы гости дорогие,
Я думала – нас рады усадить
И угостить, и слух наш усладить.
Я верила – здесь сроду не обидят.
А оказалось – нас в упор не видят.

Мне так не хочется быть посторонней
Для расшумевшейся стаи вороньей.
Так не хочу посторонним лицом
Быть рядом с этим весёлым скворцом,
Или чтоб роща воскликнула гневно:
«Что она ходит сюда ежедневно?»

«Время, стой!», - умоляю его.
Как собаке велю ему: «Рядом!»
Но летит оно улицей, садом,
И не слышит оно ничего.

Вот бы взять его на поводок,
Как брала я когда-то собаку.
Но не внемлет ни слову, ни знаку
И бежит, разбивая ледок.

Ну разве мы друг другу не друзья
По счастью, а тем паче, по несчастью,
По сказочной погоде, по ненастью?
Нельзя нам в одиночку. Ну нельзя.
Ведь кто ещё услышит и поймёт,
Когда приспичит срочно поделиться?
Нам друг на друга надобно молиться,
А мы друг друга бьём, как птицу, влёт.

Такая уж мне уготована участь –
С младенчества чувствовать жизни летучесть,
Ловить всё летучее с ходу и с лёту
И переплавлять в мелодичную ноту,
Чтоб даже тоска обретала певучесть
И сладость. Какая волшебная участь.

Весне я сильно надоела.
Я ей прохода не даю.
То говорю: «О, как ты пела
Сегодня!», то сама пою.

Для всех ручьёв ищу сравненье.
Не пропускаю ничего.
А ведь она живёт и мненья
Не спрашивает моего.

Текущий век, будь выносим!
Уж даже не прошу – будь кроток!
Ведь человек – он тот же слёток.
Не надо больше Хиросим.

В ответ наморщил он чело:
«Не делайте меня кровавым.
Позвольте моим водам, травам
И небу вас любить светло».

Весна сквозит. Всё настежь. Всё насквозь.
Сквозь тонкий слой просвечивает ось.
Повсюду лишь прозрачные слои,
Как будто нынче в мире все свои,
И больше нет секретов никаких.
А если б были, негде прятать их.

Боже мой, я опять прогуляла урок,
Я рутинное что-то опять прогуляла,
Я на праздник весенний его променяла,
И гуляет со мной удалой ветерок.
Коль чему-то учиться, то лишь у него –
Вдохновенью, паренью, азарту, порыву
Всех обнять и обшарить – и рощу и ниву,
Будто ласки достойны все до одного.

Я пела голосом вторым
В ребячьем хоре в музыкалке.
Порыв петь голосом, пусть жалким
И тихим, был необорим.
Вот нам учитель подал знак.
Поём мы: «Сени мои, сени».
Век канул. От меня спасенья
Всё нет. Не замолчу никак.
Всё тем же голосом вторым,
Кому-то, кто звончее, вторя,
Пою, пою в волшебном хоре
Днём вешним, зябким и сырым.

Увидишь, выслушав меня,
Что я пишу на злобу дня.
Из новостей совсем горячих –
Явленье лютиков цыплячьих
В горячей точке, где припёк.
Вот весть какую приберёт
Апрель, когда в свой день последний
Прощался с рощицей соседней.

Не трогайте меня. Хочу остаться в норке,
Где шторы на окне, на скатерти оборки,
Где книжный шкаф пузат, журнальный столик кругл,
Где непременно есть медвежий тёплый угол,
Который, как и всё, что в доме окружает,
Атаку всех ветров успешно отражает.

* * *

«Жизнь, жизнь»

Арсений Тарковский

То я навстречу устремлялась ей,
То я спасенья от неё искала,
То глаз с неё влюблённых не спускала,
То мне казалось – нет её черней.

То говорила, что она – тщета,
То ей пеняла, что неумолима.
Ну а она глядела молча мимо
И улыбалась уголками рта.

Слава Богу, пока кое-что ещё в мире рифмуется.
Ну а если рифмуется, значит почти что целуется,
Прикасается бережно и пребывает в согласии.
Небо глаз всё не сводит с земли – своей взбалмошной пассии.
Потому-то, наверное, рифма мужская и женская
Так способны звучать, что и скорбь выносима вселенская.

Стихи сочиняю. Стихийное бедствие.
Бессонница, боль головная, как следствие.

Неужели влюблён не в меня
Этот май и не мной он болеет,
Когда, тратя себя, не жалеет
Своего заревого огня?

Неужели, страстями живя,
Он не мне адресует признание
И напрасно теряю сознание,
Внемля жарким речам соловья?

Если кто-то ушёл, чтоб уже не вернуться,
Должен мир на мгновение перевернуться.
Если кто-то дышать перестал на века,
Грозовыми обязаны стать облака.
Ветер должен терзать, точно жалоба слёзная,
Завывать, тосковать, как собака бесхозная.

Смерть, не стой на дороге. Ведь ты не прозрачная.
Видишь, жизнь начинается летняя, дачная.
В пять светает, и птицы щебечут с пяти.
Уходи, не маячь и косу прихвати.
«Да не будь меня в мире, - она мне ответила –
Ты б ни света, ни лета, ни птиц не заметила».

То лёгким бризом навевая грусть,
То, радуя весёлым опереньем,
Май хочет стать таким стихотвореньем,
Которое все знают наизусть,
Которое играючи, шутя,
Без всякого усилья, без напряжения
Запоминают – о, какая тяга
К прекрасному, - и старец и дитя.

И цвели небеса мои ясные, детские,
И звучали весёлые песни советские,
И с уроков мы шли в раздевалку гуськом,
И подарки волшебные шли косяком:
То вдруг падала льдинка в трубу водосточную,
То вдруг мама работу закончила срочную.

И вроде творит Он спустя рукава,
Но как у Него зеленеет трава!
И вроде творит Он, что прежде творил,
Но как вешним солнцем Он всё озарил
И как убедил очарованных нас,
Что, мол, осенило Его лишь сейчас!

А глаза на рассвете открыть, точно сделать открытие.
Этот час полупризрачный, зыбкий есть время отплытия
По волнам световым, звуковым и воздушным и солнечным.
Очень медленно плыть даже лодочкам хочется гоночным.
Плыть и плыть с замиранием сердца. А пункт назначения –
Отдалённая точка, откуда исходит свечение.

Что за странный обычай такой –
Уходить, улетать, уплывать
И махать на прощанье рукой
Тем, кого нам нельзя забывать?
Улетать, уплывать – это «у»
На собачий похоже скулёж.
Неужели в итоге в трубу
Вылетаем? Меня позовёшь,
Если вдруг обнаружишь иной
Куда более радостный путь?
Ты ведь любишь дерзать, мой родной.
Так придумай скорей что-нибудь.

Я тебе про безумное время тлетворное,
Ну а ты мне вручаешь рецепт на снотворное.
Я тебе про темноты, которых не счесть,
Ну а ты мне советуешь на ночь не есть.
Я кричу тебе: «Жизнь, ты усеяна минами».
Ну а ты мне в ответ про белки с витаминами.

Живите, простодушные слова.
Бесхитростные, нежные, живите.
Когда вам плохо, вы меня зовите.
Вы мне нужны, как воздух, как трава.
Вас невзлюбив, усмешливая новь,
На вашу казнь готова дать отмашку.
Но лишь у вас, наивных, нараспашку,
Душа, в которой жалость и любовь.

И куда не посмотришь – просвет и пролом,
И не знает душа ничего про потёмки.
Наступает сезон лепестковой позёмки.
Вешний воздух слегка потревожен крылом.

А крыло означает сегодня одно:
Прилетели гонцы, окружив нас вестями,
Что мы здесь не являемся больше гостями
И что всё это нам во владенье дано.

Куйбышев. Эвакуация. 1942 год.

Полуподвал с тарелкой чёрной, с керосинкой.
Мне года два. Питаюсь маковой росинкой,
Коль можно так назвать черняшку с крупной солью.
Хозяйский коврик на стене изъеден молью.
Когда укладывают спать, я ковыряю
Плешивый коврик на стене и в сон ныряю.

А книга, страницы которой слегка шелестели,
Сегодня открылась на той, где поют свиристели.
Чтоб без толку я в этой книге толстенной не рылась,
Она вдруг сама на волшебной странице открылась.
И, чувствуя сладкую боль где-то в области сердца,
Читаю про певчего в пёрышках единовеца,
В тревоге ли, в хлопотах он, иль заходится в плаче –
Поёт и поёт, потому что не может иначе.

Не надо, как бабочку, счастье ловить.
Ты этим себе можешь жизнь отравить.
На крыльях у счастья по воле творца –
Непрочная нежная чудо-пыльца.
И если её ты случайно собьёшь,
То праздник испортишь и счастье убьёшь.

Что можно знать наверняка,
Коль всё, как в небе облака
Меняет облик ежечасно?
Сказать: «Я знаю», - так опасно.
Текуче всё – года, века.
Что можно знать наверняка?

О, Боже, какая волшебная улица.
Здесь ветреный ветер с сиренью целуется,
Смеётся и шепчется с ней, и ласкается.
Кто мимо прошёл непременно раскается,
Раскается в том, что, страдая от бремени,
Не видел, что с чудом совпал он во времени.

А время-то нынче опять переломное.
Вновь что-то нам светит. А что – дело тёмное.
И места себе всё никак не найдём.
Никак не присядем, никак не дойдём.

А время-то нынче опять переходное,
Походное время, то бишь безысходное.
Хотя всё же нам обеспечен исход
Проверенный – с этого света на тот.

О, несовершенного вида глагол!
Пока ты струишься, года наши тянутся,
И двое влюблённых никак не расстанутся:
Ведь ты не допустишь подобный прокол.

Твой несовершенный пленителен вид.
И точка прервать твою речь не решается,
И время потише идти соглашается
И даже совсем замереть норовит.

Ну что, скажите мне, банальней
В банальном небе тучки дальней?
Ну сколько могут тьма и свет
Внушать, что им замены нет?
Как могут соловьи годами
Кормить нас старыми хитами?
Как делать первые шаги,
Топча затёртые круги?
Как всё, изъеденное молью,
Вдруг снова стало счастьем, болью?

Ах, если бы не гул издалика,
Как бы дышалось под небесным шёлком,
Как бы игралось с солнечным осколком,
И как бы ноша нам была легка.
Как бы спалось под детское «ку-ку»!
Но гул далёкий? Чьё он порожденье?
Угроза нам, сигнал? Предупрежденье,
Что не спастись и тем, кто на чеку?

Сегодня вместо крестного пути
Май бесшабашный в крестиках сирени,
С которыми дружны лучи и тени,
Очнувшиеся около пяти
От снов воздушных. Не хватает слов
Сказать как рада, что не пропустила
Обряда. Тишину сирень крестила,
А крестик бел и розов, и лилов.

Тебе сегодня шах и мат?
Но день ни в чём не виноват.
Он просто взял и наступил.
Он разве плохо поступил?
Он розовел, он голубел,
Он переделал массу дел!
Он даже ландыши родил.
А вот тебе не угодил.
Он ветром волосы ерошил
Тебе. Он был таким хорошим
И осознать не мог никак
Зачем о нём сказал ты «мрак».

* * *

Мизинчик дай. Давай мириться,
Мой белый день. Давай молиться
Ты – на меня, я – на тебя,
Друг в друге всякое любя:
Я – тучку, что мешает свету,
А ты – смешную строчку эту.

О, как я хочу ладить с местом и временем,
И чтоб они не были болью и бременем,
И чтобы мы были всегда заодно,
Во всём соглашались без всякого «но».
Но не получается, не получается.
Скажите, вообще-то такое случается?
На свете когда-нибудь кто-нибудь жил,
Кто с местом и временем нежно дружил?

А вдруг в том пространстве, что небом зовётся,
Душа моя бедная не приживётся.
А вдруг для того, чтоб свободно летать,
Ей будет смертельно меня не хватать.
Вдруг, тела лишившись горячего, тесного,
Она ничего не захочет небесного.

Люблю тебя, моё перо.
Люблю за то, что ты летуче,
И, написав: «чернеет туча»,
Ты тут же пишешь: «серебро».
Ты тут же во второй строке
Снег воспеваешь серебристый,
Но, покоряясь смене быстрой,
Дрожишь на вешнем сквозняке.
О, как же мы с тобой летим,
И как движенью доверяем,
И как стремительно ныряем
В тот миг, что горек и сладим.
А нынче мы с тобой вдвоём
Встречаем утро в упоенье,
И не рождённое мгновенье
Висит на кончике твоём.

А я здесь уместна, Создатель, уместна?
Лучам и теням со мной рядом не тесно?
В глазах у Тебя от меня не рябило?
Не много ли воздуха я потребила?

Я так до сих пор себе не уяснила:
Не то я кого-нибудь здесь потеснила,
Не то стала новым пространством, сосудом,
Чтоб Ты наполнял его радостью, чудом.

Так глубоко тоску запрятать,
Чтоб никогда уж не достать.
Удариться – и не заплакать,
А только твёрже духом стать.
Удариться об острый угол,
Об острый локоть, злой прищур –
Да мало ли на свете пугал?
Но не отчаиваться чур.
Долой тоску, что душит, гложет,
Довольно этой чепухи.
Но лишь одно меня тревожит –
Родятся ль без неё стихи?

Тетрадь вторая

Точнее о счастье

*А надо обратиться в слух,
Чтоб слышать, как слетает пух
Небесный, как слетают строчки
То вместе, то поодиночке.*

Я пятнышком тёмным на снежном, на белом
Хожу, занимаюсь любимейшим делом –
Стихи сочиняю строка за строкой.
Тетрадка и ручка всегда под рукой.
Стихи сочиняю в заснеженной роще.
Они так просты. И бывают ли проще?
На то, что я в тёмном хожу, не смотри.
Поверь, у меня столько света внутри.

Чему-то я рада. Чему – не пойму.
Тому ли я рада, что тихо в доме,
Уютно и тихо. Тому ли я рада,
Что из дому вышла я в час снегопада,
Что снег ослепителен этой зимой
И что предстоит мне вернуться домой.

Досадных промахов в избытке.
Как жаль, что нет второй попытки.
Вот бы улучшить то, что есть,
И опыт прежний свой учесть.
Но мне, чтоб быть тобой согретой,
Хватило и попытки этой.

А тишь-то какая! А свет-то какой!
Все в мире невзгоды ушли на покой,
И стало не страшно, и стало легко,
За счастьем не надо идти далеко.
Оно не жар-птица – снегирь на снегу.
Точнее о счастье сказать не могу.

Хичкок, люблю твои страшилки,
Такие, чтоб тряслись поджилки.
Ты лечишь от душевных ран.
Смотри, как пялюсь на экран,
Как, позабыв свои недуги,
Весь фильм к соседу жмусь в испуге.
Ты весел, грозен, ядовит
И, слава Богу, плодовит.

Кругом летят, спешат, разбрызгивая воды,
А мы, сыночек мой, с тобою тихоходы.
Зато мы слышим всё, что зябликом пропето.
А, может быть, на нас рассчитано всё это?

Ты, жизнь, ещё не пролетела?
И не спеши, тебя прошу.
Чем где-то там сидеть без дела,
Я лучше здесь помельтешу.

Здесь столько всяческих занятий!
Ну, например, вчера, смотри,
Мы день свой начали с объятий
И пело, пело всё внутри.

А любовь и стихи – это лишь утоление печали,
Это просто попытка утишить сердечную боль,
Это лишь для того, чтобы ночи и дни не серчали.
А любовь и стихи – заклинанье моё и пароль.

А любовь и стихи – это помощь, пароль, разрешение,
Петушиное слово, чтоб жить и сейчас и потом.
А любовь и стихи – это шлюпка во время крушения,
Это чья-то рука, чья-то помощь на спуске крутом.

Постойте, я ещё не нагляделась,
Не вдумалась ещё, не поняла
Как вышло так, что жизнь куда-то делась,
Которая была мне так мила.

Постойте, я ещё совсем подросток.
Смотрите, тычусь до сих пор в азы.
Глаза мои болят от снежных блёсток
И от небесной чистой бирюзы.

Так ходить надоело. Ну что это – левой да правой.
Всё хожу да хожу, а взлететь не выходит никак
Над неровной землёй, надоевшей, любимой, шершавой,
Где всегда до конца, до последней черты только шаг.

Ах, взлететь бы, взлететь, приподняться над ямой и кочкой.
Что там яма и кочка? Подняться б над всей маятой
И в сплошной синеве еле видимой маленькой точкой
Пролететь над когда-то пугавшей последней чертой.

Я от нежности таю, как тает на солнце снегурка.
Я от нежности таю к любому мгновению дня.
Мама, видишь оттуда во что превратилась дочурка?
Я от нежности таю. Почти не осталось меня..

Да и день со мной нежен. К губам прикоснулся снежинкой,
Лёгким тельцем небесным, весёлым своим светлячком.
Мама, видишь оттуда как таю над дивной картинкой,
Той, что сотворена на едином дыханье, молчком?

В чью-то душу пробиться хочу.
В чью-то душу пробиться пытаюсь.
Говорю, тороплюсь, спотыкаюсь,
То срываюсь на крик, то шепчу.
Ну впустите, впустите меня.
Бьюсь и бьюсь у закрытой калитки.
Но без этой безумной попытки
Я прожить не умею и дня.

Разговоры ведя или делая нечто земное,
Взять да вдруг распрямиться и руки на миг опустить,
В тишине наступившей услышать иное, иное,
И увидеть, что чудо на шарике этом гостить.

И счастливо, -сказать уходящему мигу, - счастливо,
Мой летучий, мой праздный, мой солнечный, мой голубой.
Ты ведь тоже творил на лету это дивное диво,
И как жалко, что мы не увидимся больше с тобой.

Как интересно: белки, птицы,
По преимуществу синицы,
Поляна, снежная гора
И на ледянках детвора.
Ура, ещё один денёчек
Я проведу с тобой, сыночек
Средь птиц и белок, и детей,
Их упоительных затей.

А день бесконечен. Не веришь? Смотри, как лучится,
Смотри, как лучится и как никуда не спешит.
Он так безмятежен, как будто бы с ним не случится
Дурного. Он ниткой серебряной снежной прошит.

И жизнь бесконечна. Она ведь из дней безмятежных.
Не веришь? Не веришь? Из медленных дней состоит,
И знает она столько слов удивительно нежных,
И нам их, поверь же, поверь же, услышать ещё предстоит.

Меня нащупал новый день
Рукой младенческой и нежной,
Посеребрил мне путь мой снежный
И кружевную светотень
Колеблемую мне родил.
Спасибо, что меня нашарил
И не состарил, не состарил,
А счастливо омолодил.

А веселье – такое серьёзное дело.
То душа не готова к веселью, то тело,
То страна, где живу, не готова к нему.
Но стараюсь – то к небу глаза подниму,
То, с царящей тоской не желая мириться,
Я на снег погляжу, что сегодня искрится.

Ну а с кем мне ещё говорить? С небесами толкую.
Небесам исповедуюсь. С кем мне ещё говорить?
Да и кто может выдержать долго беседу такую?
Кто ещё меня может вниманьем таким одарить?

Ну а им-то самим интересно со мной? Интересно?
Ведь они высоки, глубоки, лучезарны, тихи.
Всё земное для них, полагаю, и плоско и пресно.
Потому-то, наверное, я перешла на стихи.

Так мало счастливых. Так, Господи, мало.
А я бы одним лишь счастливым внимала.
У них бы училась светиться, сиять.
Вот день нынче солнечный, снежный опять.
И, глядя, как снег серебристый летает,
Учусь понимать, что для счастья хватает
И снежного облачка там в небесах,
И мысли, что десять утра на часах.

Этот день – он который с конца?
От начала начал удаляюсь.
А глаза-то, глаза – в пол-лица,
Потому что смотрю – удивляюсь.

Удивляюсь и свету, и тьме,
И находкам своим и утратам,
Тупикам и лазурной кайме,
И рассветным лучам, и закатам.

Что это, Господи, кара иль шутка?
Ты к нам, Создатель, отнёсся не чутко.
Выжав все соки до капли из нас,
В гибельный час отпустил и не спас,
Выбросил прочь, как ненужную ветошь,
И не сказал: «Не отдам его. Нет уж».

Зарыться бы лицом в горячую подушку
И выпасть хоть на миг из дорогих сетей,
Покинуть хоть на миг незримую ловушку
И отдохнуть от всех, от всех земных затей.

Зарыться бы лицом и с головой укрыться
И никаких забав, и никаких тенёт,
Пусть даже в двух шагах желанная жар-птица,
Пусть даже жизнь сладка, как самый сладкий мёд.

Как хорошо на белое смотреть!
Как хорошо смотреть на голубое!
Ох, до чего не хочется стареть...
Любви достойно облачко любое.
Достойно небо всяческих похвал.
Работают небесные пружинки,
Даря нам снег. Сегодня первый бал
У той вон юной маленькой снежинки.

Скажи мне жизнь, ты что – уходишь, да?
Меня уже не будет никогда?
Скажи мне, жизнь, ты от меня устала?
А я как раз сегодня рано встала
И строю планы, и пишу стихи,
Где много всякой нежной чепухи.

Немыслимое счастье – мы вдвоём.
Я существую в облаке твоём.
И своего мне облака не надо.
В твоём и спать и просыпаться рада.
Оно не давит на земное дно.
Но только б не рассеялось оно.

И голубь летает, большое крыло наклоня...
Пожалуйста, в эти прекрасные игры примите меня.
Пускай не летаю, пускай лишь неспешно хожу,
Но я с вами всеми, участники игр, дружу:
С весёлым мальчонкой, что едет на санках с горы
И с воздухом вешним – он тоже участник игры.
Здесь всё хорошо. Хорошо проиграть, победить.
Примите меня. Я согласна всё время «водить».

А я в сорочке рождена.
Мне от рождения дана
Земля иная в каждой точке.
Я правда рождена в сорочке.
Осталось лишь уразуметь
Куда себя сегодня деть.
А я в сорочке родилась
Весной, в сорочке из батиста.
Сегодня даже тень лучиста,
И песенка моя слилась
С мелодией синички той,
Принявшей в празднике участие.
И как я смела это счастье
Назвать однажды маемой?

И снег белел, и даль лучилась,
А я счастливой быть училась,
Училась благодарной быть,
Не привередничать, не ныть,
Простые дни считать дарами.
И получалось временами.

А первый день весны, как первые объятья.
А первый день весны, а первый день весны...
Сказать бы про него, привычных слов не тратя,
Поскольку все слова для этого тесны.

И всё же силуюсь я сказать, что он неловок,
Как отрок, как юнец, влюблённый первый раз,
Не знающий ходов, не знающий уловов,
Не прячущий от нас своих влюблённых глаз.

Дышу неровно. Можно ли ровней
Дышать весной? Весна – такое дело:
Хрупка, пуглива, и не затвердело
Младенческое темечко у ней.

Ещё не загустела синева,
И воздух, как на высоте, разрежен,
И ты, любимый мой, со мною нежен,
Поэтому я до сих пор жива.

Давайте отменим унынье, упадок, урон.
О как нынче воздух прозрачен, и горек, и сладок,
И слышится щебет со всех светоносных сторон
Весенних, сквозных. Мы на взлёте. Какой там упадок!

Коль трудно взлететь, то хотя бы на цыпочки встать.
Для всех, кому хочется жить, вариантов без счёту,
И если ещё не летал, то пора наверстать,
Услышать на счастье намёк и поймать его слёту.

Я не знаю имён многих птиц и кустов, и дерев.
А ведь с ними соседствую, даже касаюсь их взглядом.
Вот пичуга распелась, на голую веточку сев.
Но и я безымянна для них, хоть живу с ними рядом.

Может, так даже лучше, таинственной и веселей.
И меня здесь не знают, и мной этот мир не изучен.
Этот ствол заскорузлый, шершавый, в морщинах – он чей?
Этот март ослепительный, ветреный – кем он озвучен?

Пусть всё летит. Я буду отставать.
Я так люблю валандаться, лениться.
Пусть всё летит. Могу посторониться.
Так глупо задыхаться, уставать.
Нельзя ведь ни угнаться, ни успеть.
Я голубым не в силах надышаться.
Уйду в сторонку, чтобы не мешаться
И голубое в тишине воспеть.

Чуда всё ещё нет? Ничего, подожду.
Я пока подремлю, напишу, почитаю.
День едва начался там, где я обитаю.
Он, поди, не последний в текущем году.

Чуда жду терпеливо с младенческих лет.
Это много приятней, чем ждать электрички.
Всё никак не отвыкну от детской привычки,
Той, что счастьем замена, как думал поэт.

И я свой вклад хочу внести
В пленительную эту сказку,
Вон ту голубизну спасти,
Ответить воздуху на ласку
И растопить улыбкой лёд,
Лучам всемерно помогая,
Сказать зарянке: «Дорогая,
Я твой ускорила прилёт».

Я так рада апрельскому небу нарядному
И тому, что и мне и тебе – ненаглядному
Спать мешает свет утренний, солнечный, ласковый,
И что адрес домашний у нас одинаковый.

Да разве можно так влюбляться
В весну и так за жизнь цепляться –
За тени, за лучи, за то,
За что не держится никто,
Что мельтешит, дрожит, двоится
И что само пропасть боится.

Ничего не хочу понимать –
Лишь любить безрассудно и слепо,
Обнимать, обнимать, обнимать
Мир, в котором всё крайне нелепо,
Мир безумный, чужой и родной,
Тот, который давно населяю,
И в котором строкой хоть одной
Хоть в кого-то надежду вселяю.

Я в комнате, парящей над Москвой.
Я в комнате, над городом парящей.
И рядом ты, под утро чутко спящий.
Мне нужен каждый вдох и выдох твой.
В окне, не нарушая снов твоих,
Один весенний лучик на двоих.

Там так много любви, там так много любви и заботы.
Мнится мне – наблюдают родные за нами с небес.
Там им ведомо всё: и провалы все наши и взлёты.
Они мысленно с нами, и мы им нужны позарез.

О как мне дорога бестелесная эта защита.
Как любовь бестелесная мне дорога и нужна.
И душа моя им – столь далёким и близким – открыта.
Если б только я прежде была с ними также нежна!

Да вот же будущее, вот.
Оно сегодня зародилось.
Смотри, как небо нарядилось.
Смотри, как много талых вод.
Какой подъём! Какая страсть!
Чреват грядущим день весенний,
И я, не помня опасений,
Стремлюсь в грядущее попасть.

Проснулась – и надо же – всё впереди,
Опять впереди, будто я малолетка,
И мама прижмёт меня нежно к груди
И скажет, смеясь: «Обними меня, детка».

Проснулась, и надо же – ждут меня, ждут
Подарки. А я их люблю, как все дети,
И мне предстоит упоительный труд
Развязывать свёртки нарядные эти.

Ты весел? Ну, конечно же, ты весел.
Да разве можно нынче быть другим?
Март синий шёлк над головой повесил,
Птиц рассадил по веточкам нагим.
Имеешь уши? Значит, слушай, слушай.
Глаза имеешь? Так смотри, смотри:
Водою стало то, что было сушей,
Водой весёлой с облаком внутри.

А тогда, на начальном этапе
Рисовала я солнце на папе,
А, вернее, на снимке его.
Я не знала о нём ничего.
Лишь одно – его мина убила.
Но так сильно я папу любила –
Рисовала на нём без конца.
Вышло солнышко вместо лица.

Мне надо срочно исправляться,
От слов любимых избавляться,
Таких как «птицы» и «лучи».
Я говорю себе: «Молчи».
Но птица, что глазком косила,
Напомнить о себе просила,
И луч весенний поперёк
Моей страницы взял и лёг.

Болела моя детская душа:
Я утопила в море голыша,
Случайно утопила в бурном море.
Насмарку лето. Ведь такое горе.
Купили паровозик заводной,
Но нужен был единственный, родной
Голыш – нелепый бантик на макушке.
А жизнь, как оказалось, не игрушки.

И сверху свет, и от ручьёв подсветка,
И в воздухе весёлая монетка –
Орёл и решка, решка и орёл.
Уже подснежник, говорят, расцвёл,
Пылят серёжки на весенней ветке,
И хороши все стороны монетки.

Воды вешние. Белая пена.
И сюжет ускользает из плена,
Плена следствий и плена причин.
Намечается новый зачин,
Смыта водами прежняя вежа.
Ясный замысел только помеха.
Можешь выбрать и это и то.
Хоть взлети. Не мешает никто.

А бывает, что так вдруг захочется к маме,
А она далеко – за горами, долами,
До которых идти надо тысячу лет.
Или дальше ещё, но и там её нет.
Что же делать? Заснуть. И быть может, быть может
Мама тонкую кисть на плечо мне положит.

Но я-то ведь знаю, что счастье и горе – двойняшки.
Они друг без друга не могут. Они – близнецы.
Сегодня поют обалдевшие вешние пташки,
А завтра, а завтра из гнёзд будут падать птенцы.
И будут затоптаны их разноцветные перья.
Так как же нам быть? Строить планы, влюбляться, рожать,
Всему вопреки не теряя надежды, доверья,
Я жить собираюсь, и нечего мне угрожать.

А я, живя в неласковой стране,
Стремлюсь играть на ласковой струне,
На той, что хоть немного украшает
Сей мир и впасть в отчаянье мешает.
Стараюсь убедить, что даже тут
В краю пропащем небеса цветут.

И эта трель залиvistая – мне,
И мне – все эти почки и серёжки.
Апрель, апрель, нарядные одёжки,
Как весело с тобою на земле.

Легко смеюсь, и ты тому виной.
Одно лишь огорчает – ты недолог.
Ты вечной жизни крошечный осколок,
Зато хрустальный, радостный цветной.

А книга сегодня открылась на дивной странице.
Наверное, южный ласкающий ветер виной.
Великое счастье над этой страницей склониться.
Огромная просьба: не надо стоять надо мной.

С рассвета склоняюсь над ней, и, как малое чадо,
Губами, читая строку за строкой, шевелю.
Мне эта страница, как впрочем, вся книга – награда,
Пусть даже не полностью смысл её уловлю.

Я люблю эту землю за то, что живёшь на ней ты.
Я люблю это небо. Оно ведь тебя освещает.
Я люблю этот воздух. Тебя им апрель угощает.
И апрель тебе дарит свои молодые цветы.
Я люблю их за то, что ты тоже на них поглядел,
На секунду отвлекшись от безотлагательных дел.

А мой маршрут таков: туда отсюда.
Туда, где свет, не застревая тут,
Туда, где даль. А даль – синоним чуда,
Как жаль, что люди по дороге мрут.

Я всё ещё на марше. Я шагаю,
Верней, иду, лечу, а где и вплавь,
И, чтобы снять усталость, я слагаю
Стихи про переменчивую явь.

Эти травы и листья – они ещё очень малы.
Эти травы и листья – они ещё в ясельки ходят.
Они, радуясь солнцу весеннему, день свой проводят.
Они так беззащитны и так по щенячьи милы.
Они верят нам взрослым, и мы не расстроим их, нет.
Разве можно пугать тех, кто только явился на свет?

Ты поднял траву на вершок,
Ты поднял меня спозаранку
Лучом и подул мне на ранку,
Помог мне придумать стишок.

Ты видишь – скромна я и в бой
Не рвусь, тишину соблюдаю.
А утром проснусь и гадаю,
Чем нынче займётся с Тобой.

Нет, нас не надо добивать,
Ведь мы умеем добывать
Молитвенное из мирского,
Как перламутр со дна морского.

Нет, нас не надо изводить,
За ручку надо нас водить,
Предупреждать, где кочка, яма,
Как делала когда-то мама.

Не для концов существуем, а лишь для начал.
Не для заката багрового, а для рассвета.
Правда же, Господи, Ты ведь нас предназначал
Для вдохновенья? Ты сам ведь с душою поэта.
Вот и сегодня мы начали с новой строки,
С нового вздоха, с ещё не бывалого шага.
А что устали немного – пройдёт, пустяки.
Мы не такое осилим. Была бы отвага.

А май опять морочит, искушает,
И обновить палитру мне мешает:
Ведь снова ландыш, снова соловьи.
Поди, оттенок новый улови.
Но что мне делать? Жаль, что я не птица.
Ведь птица не боится повториться.

Я встроена в сюжет, в живой контекст, я в теме:
Я с этими пою и горько плачу с теми,
Могу я превратить в стихи тоску немую,
А то возьму – беду и счастье зарифмую,
Поскольку внятно мне – молекуле контекста,
Что родственных кровей, **что** из другого теста.

Куст вишнёвый, нарядный стоит у меня на пути.
Не заметить его – это как мимо счастья пройти.
Не заметить его – это как не услышать «люблю».
В самой гуще цветущей и нежной лицо утоплю,
Где-то возле гудящего басом большого шмеля.
Может, ради мгновений таких нас и держит земля.

Какие годы? Что за годы?
Так жить, чтоб вышла смерть из моды,
Так жить, чтоб вышла смерть в тираж
И век не заедала наш,
И наконец от нас отстала.
Ведь нас она давно «достала».

А мне объяснили со знанием дела,
Что время промчалось, что жизнь пролетела.
А я не хочу ничего понимать.
Тебя, мой любимый, хочу обнимать,
Хочу меж кустами сирени слоняться,
Ладонью от ярких лучей заслоняться.

Облака, что живут в небесах, там же и умирают.
Умирают легко и шутя и как будто играют.
То плывут, то летают, то вдруг на закате алеют,
А потом исчезают, не мучаются, не болеют.

А музыка нужна, чтоб вынести всё это:
И долготу зимы и скоротечность лета,
И прочее, чего перечислять нет смысла,
Чтоб не пугали нас немислимые числа.
Страстям благодаря, на страсти невзирая –
Всегда в земном аду живёт кусочек рая.

Это лето осыпет меня лепестками,
Нежным пухом коснётся, дождём оросит,
Веткой яблони над головой повесит.
Погляди – можно счастье потрогать руками.
Да оно и само нас потрогать спешит:
Ветром ласковым волосы нам ворошит.

Как я рада, июнь ненаглядный, что ты наступил!
Как я счастлива, утро, что ты наконец наступило.
Небо дивно окрасив, ты сердце моё растопило.
Кто-то лучшее место мне здесь на земле уступил:
С него слышно отлично и видно с него далеко,
И расстаться с ним будет, конечно, совсем не легко.

Не только слова, но и паузы тоже пленяют.
Они даже смысл всей ткани словесной меняют.
Они намекают на то, чего в сказанном нету.
Не только волшебным словам, но меж ними просвету
Дано убедить нас, что жить в этом мире чудесно.
Не надо слова на бумаге писать слишком тесно.

Погоди, соловей. Я спою тебе тоже,
Хоть и песня моя на твою не похожа,
Хоть и песня моя и печальней и глуше,
Всё равно мы с тобой очень близкие души.
Я ведь тоже стремлюсь все заботы, волненья
Превратить с Божьей помощью в музыку, пенье.

Я так не хочу, чтоб учило страданье меня.
Мечтаю о том, чтоб меня только счастье учило,
Чтоб я от него хоть разок похвалу получила,
Я буду прилежней, старательней день ото дня,
Я буду следить за подвижной указкой его
На каждом уроке и не пропущу ничего.

Я привязана к миру. О, как я привязана к миру!
И к земному укладу и к птичьему в небе пунктиру,
И к тому, что меня веселит, и к тому, что пугает.
Ну а мир – он такой: он чувствительных слов избегает,
Хоть бывает со мной иногда удивительно нежен,
Заставляя забыть, что крутой разговор неизбежен.

Здесь на земле столько гиблых мест.
Как это небу не надоест
Землю окидывать ясным взглядом?
Небу везёт, что живём не рядом:
Мы – на земле, а оно – вон там.
Но нет предела людским понтам –
Столько всего посылаем с суши:
Боинги, шатлы, ракеты, души.

Я хочу, чтоб меня не пускали в кино,
Потому что мне рано – шестнадцати нету
И нельзя мне смотреть про несчастную эту
Непостижную жизнь, где безумье одно.

Я хочу, чтоб невинность мою берегли,
Ощипать не спешили пушок мой дыплячий,
Чтобы всё – от страстей до молитвы горячей –
Лишь таилось, маячило где-то вдали.

И дышалось так сладко и пелось,
Потому что ничто не приелось,
Всё как будто впервые, в новинку.
Дай, скворец, рассмотрю твою спинку,
Твою чёрную скромную грудку.
Не пугайся. Замри на минутку.

А в июньском пейзаже лопух столь разросшийся - счастьем синоним.
Если этого мы не поймём, то мы счастье своё провороним.
Нам про это никто не сказал. Надо как-то самим догадаться.
Утром я выхожу на крыльцо, чтобы с садом своим повидаться
И хоть как-то вписаться в пейзаж. Я ведь тоже подобна растению:
Ароматом садовым дышу, обладаю и светом и тенью.

Для Того, кто высоко, кто сверху, кто над
Я, наверно, всего лишь простой экспонат,
Досконально изученный, пресный и скучный,
Но упрямо кажусь себе особью штучной
И хочу небывалых, нездешних стихов,
И в волнении до третьих не сплю петухов.

А летом я хочу, чтоб было лето,
А на рассвете я хочу рассвета,
А днём хочу теней и бликов дня,
А ночью ночь баюкает меня,
Наступит утро – и опять я рада,
Как будто мне лишь этого и надо.

Душу от тела легко оторвать, но не стоит.
Тело, где нету души, меня вряд ли устроит.
Да и душа, что приучена к страждущей плоти,
Будет по ней тосковать в своём вечном полёте.

А день этот летний, который недавно родился,
Он так оживлён и так счастлив, и так нарядился,
Так весело бегаёт по перелескам и пашням,
Полям и лугам. Неужели он станет вчерашним?

Жасмин опять с меня не сводит глаз.
Уже неделю глаз с меня не сводит.
И что такого он во мне находит?
Ведь интерес-то явно не угас.
В глаза друг другу радостно глядим.
Он мне сияет, я люблюсь им.

А для полёта, слышишь, для полёта
Как воздух мне нужна восьмая нота.
Для новых песен мало мне семи.
Дай мне восьмую, Боже, не томи.
Ведь как те семь волшебю не звучали,
Они о самом главном умолчали.

Ну что же ты так поступаешь, июнь драгоценный?
Уныло и слякотно, дождик с утра зарядил,
Шиповник испуганный, нежный, доверчивый, пенный
Ты сам разлохматил, хоть сам же его нарядил.

Ведь ты же обычно ласкаешь крылом голубиным,
Обычно сиянием собственным ты упоён.
Неужто тебе надоело быть самым любимым
И самым желанным из всех Богом данных времён?

А надо так растягивать меха
Весёлой и отчаянной гармошки,
Чтоб стало ясно – вот он свет в окошке,
А вот всего лишь мусор, шелуха.
И чтобы тот, кто в мелочах погряз,
Жить приучившись на корму подножном,
Вдруг замер в ожидании тревожном,
И чтобы робкий вдруг пустился в пляс,
И чтоб – в верхах ли музыка, в басах –
Звук замирал лишь там, на небесах.

Я никак не пойму – отнимают у нас иль дают,
Нищетой нам грозят или нас осыпают дарами,
Изнываем в плену или машем свободно крылами,
Нас сгоняют с жилплощади или уют создают.
Но сегодня в саду воздух стал меня так обнимать,
Что невольно подумала: нечего здесь понимать.

Бабуля делала на праздник голубцы.
Они их перевязывала ниткой,
Как будто голубец был тварью прыткой,
Летать способной в разные концы.

И я решила: если обмотать
Всё, что люблю я, ниткой из катушки,
Покорны будут мне мои игрушки
И праздники не будут пролетать.

Занимаюсь я странным и каверзным делом:
Я пишу на листе, точно истина, белом.
Ну а что, если истина очень проста –
Это просто поверхность пустого листа.
Хочешь истины – лист надо белым оставить.
Только имя своё в уголочке поставить.

Столько было того, что, казалось, нет сил пережить,
Столько было того, с чем нельзя, невозможно смириться.
Как же мне удаётся по-прежнему с миром дружить,
На его небеса голубые, любые молиться?

И сама не пойму как решаюсь ему доверять,
В доме свет погашу и надену ночную сорочку,
Чтоб в его темноту безоглядно, бесстрашно нырять
И легко засыпать по-младенчески – руки под щёчку.

Я цветы не советую рвать.
Вот цветок, что и нежен и ярок.
Я не ведаю, как его звать.
Назову его просто – подарок.

До чего же июль даровит!

Села бабочка мне на запястье.
Я не знаю, какой это вид,
Потому назову её – счастье.

Куст расцвёл, своё имя тая.
Назову его – радость моя.

Время только и делает, что утекает, но,
Если б мы жили вечно, нам было бы всё равно.
«Время летит», - вздыхаем. И что оно нам далось?
Если б мы жили вечно, оно бы не родилось.
Ведь для небес бессмертных времени нет как нет.
Пусть скажет спасибо смерти, что родилось на свет.

Мне кажется я не от мира
Сего и что меня вскормила
И выпестовала синева,
И подарила мне слова,
Которые не сторонятся
Земли и всё же ввысь стремятся.

Усердно пёрышком скребя,
Пытаюсь выразить себя.
Пишу и вижу: там и тут
Другие пёрышком скребут,
Спеша поведать то да сё.
Да кто же вникнет в это всё?

И с чего ты возгордился?
Ну зачали, ну родился,
Ну по улицам топ-топ,
Это не причина, чтоб
Мнить себя венцом природы.
Вот затопят землю воды,
Воздух станет ядовит –
И исчезнешь ты как вид.

Ах, эти жуткие прогнозы!
Где ветерок, прохлада, грозы?
И днём и ночью зной и сушь!
Земля давно лишилась луж,
И скачут в панике лягушки,
В глубоком обмороке мушки,
А мы... мы в городе большом,
Как в бане, ходим нагишом.

Жара такая – лету тошно,
Хотя оно ведь не нарошно,
Оно хотело нас согреть,
А мы готовы умереть
И шлём ему свои проклятья
В ответ на жаркие объятья.

Кто райские врата так безнадёжно сузил?
Кто завязал сюжет земной на мёртвый узел?
Целебный кислород нам дал при всём при том?
Вон как мы все его хватаем жарким ртом.
И кто, сразив чумой, потом распорядился,
Чтоб этот странный мир как заново родился?

Проснувшись, решила, что в мир тот же самый вернулась.
Но мир-то другой этим утром, и я обманулась.
И свет нынче новый, и новый сегодняшней ветер
В саду обновлённом другие маршруты наметил.
И в новой тиши строчка новая хочет родиться,
И чувствую я, что мой старый словарь не годится.

Слова нужны, чтоб с миром объясниться,
С тем самым, где покой нам только снится,
А счастье даже и не снится нам.
В который раз прибегла я к словам.

А мир блажит, и всё в нём криво-косо.
И я, не сняв ни одного вопроса,
Жду ясной яви и прозрачных снов,
Когда совсем не надо будет слов.

Ах, какое веселье! Какое веселье!
У меня эти летом все дни – воскресенье.
У меня мотыльки вечерами толкутся,
И на стенке узоры лучистые ткуются,
И, младенчески радуясь каждому мигу,
Кверху ногами держу очень умную книгу.

Я задела муравья. Прошептала: «Извини».
Столько живности вокруг в эти солнечные дни.
Столько всякого того, что так просто растоптать.
Чтоб не тронуть никого, лучше всё-таки летать.
Оторваться от земли ну хотя бы на вершок
Помогает очень мне вновь написанный стишок.

Ах, лето, вижу по глазам,
По бирюзовым небесам,
Что ты ещё не всё сказало,
Не всё в сюжете увязало,
И я, встречая твой рассвет,
Гадаю – скажешь или нет.

У этого – кошка, у этой – цветок,
А этот, похоже, совсем одинок.
Спасибо ещё, мотылёк бестолковый
Порой коротает с ним век мотыльковый.

Милый сад, сколько раз ты в стихах моих был подлежащим,
То на солнце сквозным, то под ливнем и ветром дрожащим.
Сколько раз для тебя я искала особый эпитет,
Сколько раз я боялась, что стихотворенье не выйдет.
Милый сад, если я в этот раз потерплю неудачу,
Успокой, намекни, что и я для тебя что-то значу.

А время – оно так хитро поступает:
И не истекает и не наступает,
Лишь льётся и льётся и не устаёт,
И не истекает, и не настаёт,
Лишь льётся и льётся широким потоком,
Кого-то при этом топя ненароком.

Ты хочешь меня приголубить? Я «за».
О том же мечтает твоя бирюза.
О том же заботится твой изумруд.
Люби меня, август, покуда я тут.
Не там – в странном месте и в странной поре,
Каких ни на карте, ни в календаре.

Ты счастлив. Ты просто не знаешь об этом.
С тобою так нянчились нынешним летом.
Тебя так тетёшкали прошлой зимой.
Тебя в темноте провожали домой.
С утра на прогулку тебя приглашали.
Стихи о печальном писать не мешали.

Уныние, тоска – я не по этой части.
Коль хочешь говорить, поговорим о счастье.
Подобный разговор и ломкий луч поддержит,
И даль, что сквозь листву желтеющую брезжит,
Резвящийся щенок и то дитя грудное,
Которое гулит, узнав лицо родное.

Нащупала тапочки, встала, оделась,
Но день начинать мне совсем не хотелось.
Хотелось остаться нигде и ни с чем,
Застрять между временем этим и тем,
И чтобы лучи, что в мой дом угодили,
Свободно, легко сквозь меня проходили.

Я туда не хочу, не могу, буду пятиться.
Ну а вдруг я исчезну, а кто-нибудь хватится,
Скажет: «Где же она? У меня к ней вопрос».
Как представляю, становится горько до слёз.
И сама я так много вопросов наметила,
На которые жизнь мне ещё не ответила.

* * *

Не договаривают все:
И старцы мудрые, и дети,
Речушка в средней полосе,
Ромашка в поле и в букете.
И скрытен день, и ночь темнит,
И утро тихой тайне радо.
Сама судьба секрет хранит.
Не договаривай. Не надо.

* * *

Любое слово может стать последним,
А может стать очередным, соседним
С тем, что немного позже родилось.
Не понимаю как мне удалось
Последнее написанное слово
Сегодня предыдущим сделать снова.

Ты столько мне слов подсказала, синица.
Мне надо бы в ножки тебе поклониться.
Тебя я рифмую и с этим, и с тем,
Как будто бы нет интереснее тем,
Как будто бы ты, желтогрудая птичка,
Ко многим вселенским загадкам отмычка.

* * *

Сыну Илюше

Ты поиграй – я потоскую
Под тихую твою игру.
Ну чем я в сущности рискую,
Живя на свете? Ну умру.
Но перед этим, перед этим
Наслушаюсь и нагляжусь,
И со стихом, чтоб был он светел
И не банален, повожусь.
И струны тихие – подпитка.
Играй, пожалуйста, играй,
Чтоб вместо слов «страданье, пытка»
Произнесла сквозь слёзы: «рай».

* * *

Как удивительно: всё сделалось само –
И зацвело само и облетело,
И рассвело, позолотив трюмо
Зеркальное, и, просияв, стемнело.

Вот от поры цветущей – ни следа,
Но небо в куст растрепанный влюбилось
И, посылая чудный свет сюда,
Ни разу не запнулось и не сбилось.

* * *

Я здешних мест жилец со стажем.
Я так давно слилась с пейзажем.
Я примелькалась, я своя.
Наверно, здешние края
Жить без меня совсем не могут
И стать бессмертной мне помогут.

* * *

Рассказать что я делаю? Время теряю.
Искупавшись в лучах, в тень густую ныряю,
Чтоб из тени в лучи золотые нырять.
О как хочется время совсем потерять
И пожить ротозем, зевакой, разиней,
Что балдеет весь день от бездонности синей.

Если ты музыкант, значит должен любить тишину
И, её нарушая, испытывать должен вину,
А вернее, стремление быть на такой высоте,
Чтоб Господь подтвердил: это звуки те самые, те,
Что способны соперничать с музыкой той тишины,
Той бесценной, которой по воле твоей лишены.

Снежинки, вас тоже родили. Вы пленные.
В нарядной одежке, но хрупкие, тленные.
Вы так мельтешите, светясь и шурша.
И что ни снежинка – родная душа:
Того же мы роду, того же мы племени,
Летаем – и вдруг ни пространства, ни времени.

Время детское. Что ты? Куда ты?
Оставайся глядеть на закаты,
На оттенки в сезон листопада.
Погоди. Не прощайся. Не надо.
На плечах твоих лёгкое бремя
Палых листьев. Остаешься на время.

Вход бесплатный, а выхода нет.
Разве смерть это выход? Спасенье?
Кабы знать, что потом воскресенье,
Новый шанс появиться на свет.

Кто придумал сию «благодать»?
Что за правила? Что за порядки?
Мне уже наступают на пятки
И регламент велят соблюдать.

Но всего интересней о том,
Для чего не придумали слов.
Не хочу оставлять на потом
Эту область загадок и снов.
Я хочу поделиться – но чем?
Я опять прохожу – почему? –
Мимо животрепещущих тем,
Мимо смыслов, доступных уму,
Устремляясь к той сути, что меж
Слов отчётливых, найденных мной.
Я люблю эту узкую брешь.
Только ей доверяю одной.

О, как надоело с земными делами возиться,
Как хочется, взмыв высоко, от небес заразиться.
Их невозмутимостью и тишиной, и покоем.
А вдруг, глядя сверху на землю, такое откроем!
Откроем, что надо давно изменить угол зренья
На тот, что был нужен Создателю в пору Творенья.

Ох, как надоело с земными делами возиться!
Как хочется, взмыв высоко, от небес заразиться
Их невозмутимостью, их тишиной и свеченьем...
Постой-ка, а вдруг они тоже считают мученьем
Юдоль свою. Вдруг им так холодно и одиноко,
Что с завистью смотрит на землю небесное око –
Здесь есть кому плакать и петь, и чудить, и смеяться.
А вдруг небу хочется с грешной землёй поменяться.

Не стоит думать о плохом.
Коль можешь, обернись стихом,
День будний с нудной канителью.
Стихи всегда сродни веселью,
Улыбке, празднику сродни
О чём бы ни были они.

Меж двух огней, меж ярких, меж
Двух заревых садись, поешь.
Спокойно, весело, без спешки.
Нет за тобой погони, слезки.
И, хоть твои сгорают дни,
Но как пленительны они.

Не думай о стрелках на здешних часах.
Ведь столько событий вон там, в небесах.
Такие великие там перемены:
Вот солнце возникло из облачной пены,
Вот вновь его облако заволокло.
Ну разве тебя это не увлекло?

Ах, если бы Господь наш был философ,
Я б задала ему мильон вопросов.
Но он ведь не философ. Он – поэт,
Когда-то срифмовавший тьму и свет.
И, как нас эта рифма не тревожит,
Он объяснить стихов своих не может.

Ну а если я что и открыла, то настезь окно.
Ни страны, ни вакцины, ни формулы не открывала.
Но зато как приветливо ветка в окно мне кивала,
Будто очень хотела со мной быть во всём заодно.
Всё же чем не открытие в царстве сует и тревог
В летних окнах распахнутых ласковый этот кивок.

А до счастья ведь можно и не дорасти.
Можно даже держать его крепко в горсти,
Можно целую жизнь с ним в обнимку ходить
И при этом тоскливые вирши плодить.
Можно день изо дня не сводить с него глаз
И не знать, что давно осчастливили нас.

Но тень – ведь это тоже свет
Или по крайней мере след
От света, что здесь жил недавно
И продолжает жить неявно
Инкогнито в самой тени,
Хоть всю картинку затемни.

Ах, как весело между бездонностью этой и той
Между бездной, что снизу, и бездной светящейся, горней,
И не страшно, что время земное бежит всё проворней,
Если мы ограничены лишь глубиной, высотой,
Ну а значит, ничем. Ну а значит не будет конца...
Боже, как ослепительна снежная эта пыльца!

А потом, после всех этих лет, Ты куда меня денешь?
Где поселишь меня и во что меня, Боже, оденешь?
Разве может так быть, чтобы стала я вдруг беспризорной
После дивной зимы со счастливой снежинкой узорной,
После свежей листвы, дружно брызнувшей в мае из почек,
После стольких Тобой в тишине продиктованных строчек?

Летучий снег, вводи нас в заблужденье,
Нашёптывай, что ждёт нас наслажденье,
На лёгкий крест, на счастье намекай
И в трудности земные не вникай.
Зачем они тебе? Ведь ты не местный –
Ты вон откуда: облачный, небесный.

Я и чёрный свой день ни за что не отдам.
Я душой приросла даже к чёрным годам,
Даже к тем, что душили, стояли на вые.
Ведь они мною прожиты. Значит, родные.
Ну а если родные, то что же святей,
Что святей своих собственных хворых детей?

Мгновенье задумалось и замечталось,
Ему и не бегалось и не леталось.
Зачем торопиться – куда и к кому?
Ему так хотелось побыть одному.
Оно свои крылышки тихо сложило
И, медленно выдохнув, веки смежило.

Ах, быть бы в силах, быть бы в полном праве
Творить в несуществующей октаве,
Чтоб надоевших нот не повторять.
Я и себя готова потерять,
Чтоб уловить неслыханное слёту.
Но снова нажимаю ту же ноту.

Тетрадь третья.

Теряю всё и всем владею.

*А слову не нравится быть одиночкой.
Оно хочет стать предложением, строчкой
И к слову другому слегка прислониться.
Вон сколько их разных вместила страница.
И каждое хочет кого-то окликнуть,
И каждому хочется в душу проникнуть.*

И звук не разрушить, и свет не разрушить,
И цвет не разрушить, но видеть и слушать
Влюблённо, доверчиво и не дыша,
И чтоб обмирала от счастья душа,
От счастья, которое тоже, как мука,
Ведь ты не удержишь ни света ни звука.

А можно ещё раз сначала, сначала,
Чтоб мама мне пела и люльку качала,
Чтоб на руки бережно брали меня,
А можно сначала, с далёкого дня,
Где не было чёрных пугающих точек,
А лишь беззащитный и тёплый комочек?

Бежать, бежать, пока не поздно,
Пока Господь не глянул грозно,
Пока небесный светел взгляд
Бежать куда глаза глядят,
Не дожидаясь дня и ночи,
Когда дышать не станет мочи.

Что делать, если нету слов
Для частных и для основ,
Для синевы, что вечно манит,
И для мгновения, что ранит.
Что делать, если не смогла
Увидеть с нового угла
Мир, создаваемый веками?
Что делать? Развести руками.

Господи, тебе слабо
Сделать так, чтоб не болело
Сердце бедное и тело,
Чтобы не было бо-бо,
Чтоб на крыльях слюдяных
Мы летали и летали,
Чтобы нам весь воздух дали
Для занятий неземных.

Какое счастье – мы вдвоём,
Мы на два голоса поём.
Хоть у тебя и нету слуха,
Но голос твой ласкает ухо.
Пой, как умеешь, мой родной.
Хотя бы и не в лад со мной.

Так трудно всё-таки усвоить,
Что ничего нельзя присвоить,
Присвоить, положить в карман.
Любая собственность – обман.
И левый мой карман и правый –
Всегда пустой, всегда дырявый.

Любите меня, я прошу вас, любите
И веткой меня за рукав теребите.
Деревья, родные, любите меня.
Я друг вам, а может быть даже родня.
Я тоже выросла в эту землю корнями.
Я тоже общаюсь с лучами, с тенями.

Милый лес, извини за вторжение,
Но молчит моё воображение,
Если я по тропинкам твоим
Не пройду, не поведаю им
Свои чаянья, мысли, заботы
И они мне не скажут: «Ну что ты,
Все заботы твои и грехи –
Это музыка, это стихи».

Это ж надо такое создать полотно!
Поглядев, испытаешь томленье одно.
Столько солнечных бликов и воздуха, Боже,
И такая палитра – мурашки по коже.
Не снимай же картину с мольберта, Творец,
Краски влажные – значит ещё не конец.

Я признаюсь тебе в любви,
Июль, ты слушай без смущенья.
Люблю теней твоих смещенье,
А в море света – хоть плыви.
Люблю, как смотришь на меня
Глазком ромашки простодушной,
Люблю твой поцелуй воздушный,
Что шлѐшь мне на исходе дня.

И поняла я – дело дрянь.
Все смертные – куда ни глянь.
Все смертные и все больные,
Не попадаютя иные,
Те, у которых всё тип-топ,
Кому судьба не скажет «стоп».

А бедный день совсем промок,
Он даже просиять не смог.
Как просияешь? Дождь с рассвета,
И небо серенького цвета,
И лужи серые кругом.
А дождь то шагом, то бегом,
То звонче он стучит, то глуше,
Решив совсем лишить нас суши.

Да нету ни сегодня, ни вчера.
Всё это наша выдумка, игра –
Всё выдумка – эпоха, эра, сроки.
Есть лишь поток, и мы – в одном потоке,
Потоке света, воздуха и тьмы,
Где выживаем или тонем мы.

День себя так безжалостно тратит.
Ну а мне... мне и облачка хватит,
Шевелящейся ветки в окне
Для веселья достаточно мне,
Мотылька, что недавно родился
И в каморке моей заблудился.

А небосвод, что нынче сер,
Нам подаёт дурной пример.
Ведь мы и так всё время стонем,
Как будто ближнего хороним,
И ведь в душе у нас и так
Всё время непролазный мрак.
Сияй же нам, чтоб стало видно
Как плохи мы и как нам стыдно.

Давай приголублю. Давай пожалею.
А хочешь – я болью твоей заболею.
А хочешь – веселье твоё разделю.
Тебя, мой сыночек, так горько люблю.

И что мне всех лет твоих нагроможденье?
Тебе всё равно двадцать дней от рожденья,
Ты хрупок, как бабочка, как светлячок,
И мягок младенческий твой родничок.

Каждый занят своим: дождь идёт, лист летает,
Ветер дует, а жизнь потихонечку тает.
Впрочем, можно сказать, потихонечку длится,
И ни ветра она, ни дождя не боится.

Сейчас, сейчас, сию минуту...
Забуду страх, забуду смуту
И, сбросив ношу, воспарю.
Я нетерпением горю.
Сейчас, сейчас. Мне только надо
Хоть как-то выбраться из ада.

Протекает эта речка
Близ любого человечка.
Он в отлучке, он в бегах,
Он в трудах, а в двух шагах
Речка призрачного цвета –
Не мелеющая Лета.

Так хорошо мне в этой местности.
Люблю и дом свой и окрестности,
И тех, кто здесь со мной живёт
И по утрам меня зовёт:
Мол, что во сне сегодня видела?
И если чем судьба обидела,
То тем, что страх живёт внутри,
Шепча: «Не сглазь, не сглазь, смотри».

Что делать прикажешь? Ты, Господи, нем.
За кем же последнее слово, за кем?
А, может, и нету последнего слова,
И всё повторяется снова и снова,
И сагу земную нельзя досказать,
Как высь голубую нельзя осязать.

Давай же потолкуем не спеша.
Так что от нас останется? Душа?
Что ж, если это так, то слава Богу.
И не пора ль собрать её в дорогу?
А, впрочем, ей не нужно ничего
Из багажа земного твоего.
Ей только небосвод для жизни нужен,
А всё, чем ты сегодня так загружен,
Она легко забудет, отлетев,
Крылом родное облачко задев.

А под твёрдым переплётom –
То, что раньше было взлётom,
Вдохновеньем, маятой,
Сном, бессонницей, мечтой,
То, что было вольной птицей,
А теперь лежит страницей.

Как ты думаешь – всё не напрасно?
И надежды питать не опасно?
И к кому-то душой прикипеть?
И о счастье залиvisto петь?
Ну скажи – хорошо или плохо
Чуда ждать до последнего вздоха?

Ты всё хлопчешь, волнуешься? Брось!
Вспомни волшебное слово «авось».
Крыша течёт? Штукатурка крошится?
Бог с ними. Как-нибудь всё разрешится.
Тазик в дождливое лето подставь.
Сон будет сладким и ласковой явь.

А вдруг нас на земле забудут,
Оставят здесь и гнать не будут,
Подарят вечные года.
Что станем делать мы тогда?
И будет ли душа так рада,
Тому, что улетать не надо?

Нет, я не буду закругляться.
Я лучше буду закаляться,
Чтоб не хворать и долго жить,
По свету белому кружить,
С весёлой искоркой во взоре
Петь песню бодрюю в мажоре
И обливаться из ведра
Водой колодезной с утра.

Над головой такая синь.
Ты не покинешь? Не покинь
Меня, мелодия родная.
Мне надо знать, что не одна я,
Что музыка звучит во мне,
Чтоб после зазвучать вовне.

Я неохотно просыпаюсь.
Я в волнах снов своих купаюсь.
День терпеливо ждёт меня,
Слегка тревожа и маня
Лучом, пробившимся сквозь штору.
Я не готова к разговору
Ни с явью, ни с самой собой,
Ни с близким другом, ни с судьбой.

А я уже была в раю.
Я помню улицу свою
И всех соседей в коммуналке
И как стучала в стенку Галке,
Зовя её играть со мной.
И всё это мой рай земной.
Там лучшая сирень на свете,
Там грозный дворник дядя Петя
Из шланга поливает нас.
Я там ходила в первый класс,
Где папа только у Наташки.
Непроливайки, промокашки
И ручки школьные с пером –
Я вспоминаю всё добром.
А в магазине «инвалидном»
Всегда подушечки с повидлом.
Их так приятно уминать...
Какое счастье вспоминать.

Говорите со мной, говорите,
Золотые осенние нити.
Говорите, под ветром шурша,
Ваши речи так любит душа.
Говори со мной, дождь морозящий,
Жёлтый лист, одиноко парящий.
С вами я пошепчусь, погрузу
И в стихи вашу речь превращу.

Спасибо музе, что терпела,
Пока я пела, пела, пела,
Пока тянула долгий звук,
Боясь, что он прервётся вдруг.
Спасибо ей, что не сбежала,
Лишь уши в ужасе зажала.

Всего лишь две минуты ходу
До озера, где морщит воду
Осенний лёгкий ветерок.
Я не ищу других дорог.
Мне эта нравится, ей-богу,
Хотите, покажу дорогу,
Хотите, позову с собой.
Лишь назовите день любой.

Люблю пёстрых дней постоянную смену,
Весь мусор житейский, житейскую пену,
Людских голосов нескончаемый хор
И всю эту накипь, и весь этот вздор,
И, если быть чутким и не торопиться,
Копнёшь – и блеснёт золотая крупица.

Какой конец?! Какая точка?!
Есть бесконечная цепочка,
Цепочка радужных начал.
Ты столько раз зарю встречал,
Улыбку, взгляд влюблённый, нежный,
И, кажется, что мир безбрежный
Зовёт нас сделать первый шаг.
Поверить бы, что это так.

Куда-то сунула ключи. Ключи от счастья.
Ты хочешь в поисках ключей принять участие?
Мы всё с тобой перетряхнём и перероем
И вдруг в какой-то светлый миг с тобой откроем,
Что вновь зима, и что, искрясь, слетают дружно
С небес снежинки, и ключей искать не нужно.

Ах, это маленькое «я».
Истошный выкрик: «Мой, моя,
Моя болячка – погляди,
Меня прижми к своей груди,
Будь чутким, мой покой храня».
Ну а в ответ: «Меня, меня».

- Куда ты, день мой дорогой?
А он в ответ: «Придёт другой».
А я ему: «Твои мне краски
Нужны, твои скупые ласки,
Твой гуд и тишина твоя.
С тобою породнилась я.
И ты среди земной мороки
Мне для стихов диктуешь строки».

А здесь ведь гарантий никто не даёт.
Услышу ли завтра, как птица поёт?
Увижу ли завтра кайму голубую
И тропку от листьев опавших рябую?
Короче, увижу ль опять наяву
Тот мир, где без всяких гарантий живу?

Леночке Колат

И ветер ветки оголяет,
И с таксой старичок гуляет,
И тихий дождик моросит,
И воробей глазком косит,
И всё это художник может
Поймать, продлить, коль Бог поможет.

Жизнь моя, балуй, задаривай, пичкай,
То синевой меня радуй, то птичкой.
Я всё равно привередой не стану
И от подарков твоих не устану.
Дождик шумит в водосточной трубе.
Дивный подарок. Спасибо тебе.

Голый лес, ноябрь, слякоть.
Улыбаюсь, чтоб не плакать,
Чьи-то строки бормочу,
Я счастливой быть хочу,
Жить, от счастья обмирая,
Несмотря и невзирая.

А я не хочу кое-как, еле-еле,
Хочу, чтоб внутри меня ангелы пели
И чтоб не покинули душу они.
Вот снег серебрится. Он первый. Взгляни.
Такое событие песни достойно.
Так пойте же, ангелы, чисто и стройно.

Да разве от нежности можно устать?
Я рядом с тобой буду книгу листать
Иль просто на белое, на голубое
Глядеть из окна, сидя рядом с тобою,
О вечном подумаю, о пустяке,
К твоей, мой родной, прикасаясь руке.

А чтобы обрести покой
Над всей на свете чепухой
Подняться надо непременно –
И обретёшь покой мгновенно,
С неведомым наладив связь,
Небесным телом становясь.

На любую погоду согласна.
Нынче ясно? Спасибо, что ясно.
Завтра ветер? Спасибо ему.
Просто я воротник подниму.
А вчера целый день моросило?
И прекрасно – я плащик носила.

А привередничать не стоит.
Тогда тебя здесь всё устроит:
И то, что не лежишь пластом,
А целый час в лесу пустом
Гуляешь, тихо напевая,
Немолодая, но живая.

Я-то знаю, что я не умру.
Ведь меня пригласили в игру,
Что не знает конца и предела.
И неважно, что я поседела.
Я-то знаю: я буду всегда
Раз однажды попала сюда.

Слова меня уже боятся.
Они возьмут и притаятся,
Чтоб я не притащила их
Насильно в свой занудный стих,
Не тискала, не целовала,
Не строила, не рифмовала.

Так хочется сделать волшебное что-то
Легко, невзначай, без натуги и пота,
Чтоб всё заиграло, запело, зажглось,
Чтоб всё, над чем билась, с ответом сошлось,
С ответом, что дан на последней странице,
На той, что у Господа где-то хранится.

Бесснежное земное дно,
И где-то в пять уже темно.
Мы погрузились постепенно
Во тьму. И будем ночью, денно
Ждать ни вестей, ни новизны,
А чистой, снежной белизны.

Я буду грязь в лесу месить,
И будет дождик моросить,
И будет тихо плакать ива.
Ну чем плохая перспектива?
Ни перемен, ни новостей
Таких, что не собрать костей.

«Ничего не поделаешь», - я говорю.
«Я почти что старухой встречаю зарю.
Но и в семьдесят я ни к чему не привыкла,
И, встречая зарю, я к окошку приникла.
Вон как небо пылает, как небо горит
И какими стихами со мной говорит!»

Хорошо бы поселиться
Там, где можно веселиться.
Так желанье велико
Жить беспечно и легко,
Жить легко, шутя, беспечно
Да к тому же вечно, вечно.

И что ни час, то звёздный, звёздный,
И этот зимний день морозный
Из звёздных состоит часов.
Поёт на тыщу голосов
Любимое с рожденья мною
Пространство дивное земное.

А знаешь, я всё проверяю на свет.
Взглянула и вижу, что есть, чего нет.
И даже в те дни, когда света так мало,
Я лучика жду. Без него бы пропала.
Сегодня не сплю я с рассвета, с шести –
Я жизнь свою к свету хочу поднести.

Ах так? Велишь мне быть старухой?
Грозишь беспамятством, разрухой,
Маразмом всяческим грозишь
И безнадёгой? Нет, шалишь.
Ты, жизнь, придумала отвратно.
Возьму и поверну обратно.

А можно я тобой побуду
И всё своё совсем забуду?
Давай твои увижу сны,
Пускай я до твоей весны,
Твоей мечты дожить не чаю.
Дай по себе я поскучаю.

Какое веселье! Куда я попала!
Я стала участником снежного бала.
Хоть я не снежинка, хоть я тяжела,
Я тоже земным и небесным жила.
Я жду и сегодня небесной подсказки,
Чтоб дальше земные рассказывать сказки.

Душа, я тебе ещё не надоела?
Не рвёшься ещё из постылого тела?
Прошу тебя, радуйся или грусти,
Но не покидай ты меня и прости,
Что столько хлопот я тебе причиняю:
За близких волнуюсь, стихи сочиняю...

А песня, что ещё не спета,
Есть область тьмы и область света,
Среды воздушной, где она
Однажды будет рождена
В тот мир, где плачется, поётся,
Где счастье в руки не даётся.

Как дела? Да никак. Нету дел никаких.
Разве дело в тиши сочиняемый стих,
На ходу, в снегопад, меж седыми стволами?
Я не помню, когда занималась делами.
И вчера, пока снег заносил деревья,
Я ходила, бродила, искала слова.

А небо, небо дорогое,
Что ни мгновение – другое.
Небесный переменчив лик.
И я меняюсь каждый миг.
То старюсь я, то молодею,
Теряю всё и всем владею.

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадь первая «Бессмертной я уже была»

Зачем лета свои считать?

И с каждым днём мне всё милее

На свет не рождённые, не торопитесь родиться.

Послушай, комарик, мы крови одной!

То самолёта дикий гуд,

Ну, зачем мне вояж, дальний рейс, кругосветка?

Мы так любим друг друга. Ну, сделай для нас исключение:

Засыпай, как дитя, и, поспав, просыпайся легко.

Мне важно, чтоб было понятно ежу

Я всё время себя за свою приземлённость казню,

Ну что ж, будем вёсла сушить.

Мне время внушает: «Учись у меня».

Мальчишка милый, как люблю я

Не спотыкаться о порог, не хлопать дверью

Спасибо тебе, что ты нас посетило

Да можно ль под такими облаками

Всё течёт, всё меняется. Кто же тогда недвижим?

Ах, стрекоза «Большое коромысло»

Чуть не забыла, что умру

А стихи уже есть, раз их можно мычать

Начиная стихи, слепо шарить в молочном тумане

Себя искала, а нашла тебя

Нынче в прениях дали мне слово опять

Здравствуй, утро, ну как тебе нынче светалось?

Тихо, пусто – подумала я по наивности

Я так любила ночничок!

Никто ведь не должен тебе ничего

А счастье – всего лишь несчастья отсутствие

Надеюсь, я чувства ничьи не задела

Быть музыкой. Пусть даже чёрной ноткой

Спасибо, что погода есть

Молчишь, Боже мой, Ты молчишь

Печальный месяц падающих звёзд

Утекайте отсюда скорее, несчастные реки

В 1958-ом

Бессмертной я уже была

Всё очень просто объясняется

Музыку жаль. Ведь она

Мгновенье пресветлое в белой панамке

Жасмин осиянный, сверкающий, чуткий

А если я вдруг пропаду, неужели не станут
Один хандрит, другой сорит
Четверг пока необитаем
И если, эту круговерть любя
Всё ищешь опору? Боишься пропасть?
Что делаем? Учимся быть
А ты непременно себе заведи
Зеркальным отражён стеклом
Наверное, в ущерб сюжету
Слава Богу, я снова в небесную рамку вместилась
Жемчужный снег, хрустальный воздух, птичка
Но с течением времени, верю, с течением
Как хорошо в летящем этом доме!
Рай какой – изумруд, бирюза!
Держи меня крепко, сжимай мне запястье
И чудится мне: не сейчас, так потом
Пока не придумал Создатель, чем кончить всё это
Как всё же печально дела обстоят!
Окрестности эти и тот окоём
Вот снег, вот полог голубой
А дело было летом в детсаду
Нет, послушай, когда я работала в школе
Нас в детстве учили: «Скажи, мол, волшебное слово»
Только не говорите, не надо, что наше горячее
А вдруг он приходил раскрыть секрет
Ну а моё четверостишье
Остаться в картине, не выйти за рамки
Я малолетка. Я в Клину
А в детстве моём золотом, негасимом
Я немного посплю. Ну а вы мне местечко держите
Это раннее утро – оно, как младенец невинный
Боже, как хорошо улыбаться во сне
А весна, как обычно, взялась мне мозги полоскать
А круг, на котором я плавала, быстро спустил
И с солнышком ложиться и с птичками вставать
Раз судьба всё ещё не захлопнула дверь перед носом
И только ветер в голове
Я в движение мир этот не привожу
Я не помню, как я родилась
Жить сегодняшним днём и входить в его тонкости
Ты глаз на меня голубой положило
Ёжик в тёмном лесу потерял узелок
С утра до вечера живу
А где же конверт – чтобы с адресом, с маркой?
Раз здесь родилась, то, наверное, так вот и буду

Со слова бы надо пылинки сдувать
Я так ждала родительского дня
Какая удача! Я чудом попала туда
Но надо было нас предупредить
В тени от белого крыла
Надежда – врушка. Врёт и врёт. И пусть
Под синевой, что так густа
А мир этот жив, потому что есть где-то иной
А мама ко мне – своей маленькой дочке
Ах, весенняя льдинка! Забыв, что молчание – золото
О, до чего нетленна бренность
Уж как давно родились тьма и свет
О, как здорово нам временами втирают очки!
Хоть и делали больно порой, всё равно, как щенка, приручили
А Россия уроков своих никогда не учила
Какие мы профи? Любители мы, дилетанты
А тишина меня боится
Весна, я так завидую тебе!
А мама собирается на бал
Когда вспоминала о прошлом – не счёты сводила
Заклинаю, стихи мои, вы не бросайте меня
Сколько б лет тебе не было, ты умираешь ребёнком
А кто ещё поднялся на крыло
А сегодня в спектакле играет не первый состав
Ещё не хватало мне повода ждать
Теперь часы живут, не тикая
Как хорошо, что всё необъяснимо
Я в рошу за счастьем хожу. Благо рядом
А у сойки на тельце – небесные пятна
Я ведь руку тяну. Ну спросите меня, ну спросите
Ей-богу, всё до свадьбы заживёт
Я не сотрясала основ
А кто виновник торжества?
Опять про нас небрежно: «И другие».
Мне так не хочется быть посторонней
«Время, стой!», - умоляю его
Ну разве мы друг другу не друзья
Такая уж мне уготована участь
Весне я сильно надоела
Текущий век, будь выносим!
Весна сквозит. Всё настезь. Всё насквозь
Боже мой, я опять прогуляла урок
Я пела голосом вторым
Увидишь, выслушав меня
Не трогайте меня. Хочу остаться в норке

То я навстречу устремлялась ей
Слава Богу, пока кое-что ещё в мире рифмуется
Стихи сочиняю. Стихийное бедствие
Неужели влюблён не в меня
Если кто-то ушёл, чтоб уже не вернуться
Смерть, не стой на дороге. Ведь ты не прозрачная
То лёгким бризом навевая грусть
И цвели небеса мои ясные, детские
И вроде творит Он спустя рукава
А глаза на рассвете открыть, точно сделать открытие
Что за странный обычай такой
Я тебе про безумное время тлетворное
Живите, простодушные слова
И куда не посмотришь – просвет и пролом
Куйбышев. Эвакуация. 1942 год.
А книга, страницы которой слегка шелестели
Не надо, как бабочку, счастье ловить
И с каждым днём мне всё милее
Что можно знать наверняка
О, Боже, какая волшебная улица
А время-то нынче опять переломное
О, несовершенного вида глагол!
Ну что, скажите мне, банальней
Ах, если бы не гул издалека
Сегодня вместо крестного пути
Тебе сегодня шах и мат?
Мизинчик дай. Давай мириться
О, как я хочу ладить с местом и временем
А вдруг в том пространстве, что небом зовётся
Люблю тебя, моё перо
А я здесь уместна, Создатель, уместна?
Так глубоко тоску запрятать

Тетрадь вторая «Точнее о счастье»

А надо обратиться в слух
Я пятнышком тёмным на снежном, на белом
Чему-то я рада. Чему – не пойму
Досадных промахов в избытке
А тишь-то какая! А свет-то какой!
Хичкок, люблю твои страшилки
Кругом летят, спешат, разбрызгивая воды
Ты, жизнь, ещё не пролетела?
А любовь и стихи – это лишь утоление печали
Постойте, я ещё не нагладелась
Так ходить надоело. Ну что это – левой да правой

Я от нежности таю, как тает на солнце снегурка
В чью-то душу пробиться хочу
Разговоры ведя или делая нечто земное
Как интересно: белки, птицы
А день бесконечен. Не веришь? Смотри, как лучится
Меня нащупал новый день
А веселье – такое серьёзное дело
Ну а с кем мне ещё говорить? С небесами толкую.
Так мало счастливых. Так, Господи, мало
Этот день – он который с конца?
Что это, Господи, кара иль шутка?
Зарыться бы лицом в горячую подушку
Как хорошо на белое смотреть!
Скажи мне жизнь, ты что – уходишь, да?
Немыслимое счастье – мы вдвоём
И голубь летает, большое крыло наклоня...
А я в сорочке рождена
И снег белел, и даль лучилась
А первый день весны, как первые объятия
Дышу неровно. Можно ли ровней
Давайте отменим унынье, упадок, урон
Я не знаю имён многих птиц и кустов, и дерев
Пусть всё летит. Я буду отставать
Чуда всё ещё нет? Ничего, подожду
И я свой вклад хочу внести
Я так рада апрельскому небу нарядному
Да разве можно так влюбляться
Ничего не хочу понимать
Я в комнате, парящей над Москвой
Там так много любви, там так много любви и заботы
Да вот же будущее, вот
Проснулась – и надо же – всё впереди
Ты весел? Ну, конечно же, ты весел
А тогда, на начальном этапе
Мне надо срочно исправляться
Болела моя детская душа
И сверху свет, и от ручьёв подсветка
Воды вешние. Белая пена
А бывает, что так вдруг захочется к маме
Но я-то ведь знаю, что счастье и горе – двойняшки
А я, живя в неласковой стране
И эта трель залиvistая – мне
А книга сегодня открылась на дивной странице
Я люблю эту землю за то, что живёшь на ней ты
А мой маршрут таков: туда отсюда

Эти травы и листья – они ещё очень малы
Ты поднял траву на вершок
Нет, нас не надо добивать
Не для концов существуем, а лишь для начал
А май опять морочит, искушает
Я встроена в сюжет, в живой контекст, я в теме
Куст вишнёвый, нарядный стоит у меня на пути
Какие годы? Что за годы?
А мне объяснили со знанием дела
Облака, что живут в небесах, там же и умирают
А музыка нужна, чтоб вынести всё это
Это лето осыпет меня лепестками
Как я рада, июнь ненаглядный, что ты наступил!
Не только слова, но и паузы тоже пленяют
Погоди, соловей. Я спою тебе тоже
Я так не хочу, чтоб учило страданье меня
Я привязана к миру. О, как я привязана к миру!
Здесь на земле столько гиблых мест
Я хочу, чтоб меня не пускали в кино
И дышалось так сладко и пелось
А в июньском пейзаже лопух столь разросшийся - счастьем синоним
Для Того, кто высоко, кто сверху, кто над
А летом я хочу, чтоб было лето
Душу от тела легко оторвать, но не стоит
А день этот летний, который недавно родился
Жасмин опять с меня не сводит глаз
А для полёта, слышишь, для полёта
Ну что же ты так поступаешь, июнь драгоценный?
А надо так растягивать меха
Я никак не пойму – отнимают у нас иль дают
Бабуля делала на праздник голубцы
Занимаюсь я странным и каверзным делом
Столько было того, что, казалось, нет сил пережить
Я цветы не советую рвать
Время только и делает, что утекает, но
Мне кажется я не от мира
Усердно пёрышком скребя
И с чего ты возгордился?
Ах, эти жуткие прогнозы!
Жара такая – лету тошно
Кто райские врата так безнадежно сузил?
Проснувшись, решила, что в мир тот же самый вернулась
Слова нужны, чтоб с миром объясниться
Ах, какое веселье! Какое веселье!
Я задела муравья. Прошептала: «Извини».

Ах, лето, вижу по глазам
У этого – кошка, у этой – цветок
Милый сад, сколько раз ты в стихах моих был подлежащим
А время – оно так хитро поступает
Ты хочешь меня приглубить? Я «за».
Ты счастлив. Ты просто не знаешь об этом
Уныние, тоска – я не по этой части
Нащупала тапочки, встала, оделась
Я туда не хочу, не могу, буду пятиться
Ещё немного поглаголю
Приснись же, приснись мне опять, Бога ради
Вопросительный знак изгибает спину
Счастье, ты не покинешь меня. Я тебя приручу
Не договаривают все
Любое слово может стать последним
Ты столько мне слов подсказала, синица
Ты поиграй – я потоскую
Как удивительно: всё сделалось само
Я здешних мест жилец со стажем
Рассказать что я делаю? Время теряю
Если ты музыкант, значит должен любить тишину
Снежинки, вас тоже родили. Вы пленные
Время детское. Что ты? Куда ты?
Вход бесплатный, а выхода нет
Но всего интересней о том
О, как надоело с земными делами возиться
Ох, как надоело с земными делами возиться!
Не стоит думать о плохом
Меж двух огней, меж ярких, меж
Не думай о стрелках на здешних часах
Ах, если бы Господь наш был философ
Ну а если я что и открыла, то настезь окно
А до счастья ведь можно и не дорасти
Но тень – ведь это тоже свет
Ах, как весело между бездонностью этой и той
А потом, после всех этих лет, Ты куда меня денешь?
Летучий снег, вводи нас в заблужденье
Я и чёрный свой день ни за что не отдам
Мгновенье задумалось и замечталось
Ах, быть бы в силах, быть бы в полном праве

Тетрадь третья «Теряю всё и всем владею»

А слову не нравится быть одиночкой
И звук не разрушить, и свет не разрушить
А можно ещё раз сначала, сначала

Бежать, бежать, пока не поздно
Что делать, если нету слов
Господи, тебе слабо
Какое счастье – мы вдвоём
Так трудно всё-таки усвоить
Любите меня, я прошу вас, любите
Милый лес, извини за вторжение
Это ж надо такое создать полотно!
Я признаюсь тебе в любви
И поняла я – дело дрянь
А бедный день совсем промок
Да нету ни сегодня, ни вчера
День себя так безжалостно тратит
А небосвод, что нынче сер
Давай приголублю. Давай пожалею
Каждый занят своим: дождь идёт, лист летает
Сейчас, сейчас, сию минуту
Протекает эта речка
Так хорошо мне в этой местности
Что делать прикажешь? Ты, Господи, нем
Давай же потолкуем не спеша
А под твёрдым переплётom
Как ты думаешь – всё не напрасно?
Ты всё хлопчешь, волнуешься? Брось!
А вдруг нас на земле забудут
Нет, я не буду закругляться
Над головой такая синь
Я неохотно просыпаюсь
А я уже была в раю
Говорите со мной, говорите
Спасибо музе, что терпела
Всего лишь две минуты ходу
Люблю пёстрых дней постоянную смену
Какой конец?! Какая точка?!
Куда-то сунула ключи. Ключи от счастья
Ах, это маленькое «я».
- Куда ты, день мой дорогой?
А здесь ведь гарантий никто не даёт
И ветер ветки оголяет
Жизнь моя, балуй, задаривай, пичкай
Голый лес, ноябрь, слякоть
А я не хочу кое-как, еле-еле
Да разве от нежности можно устать?
А чтобы обрести покой
На любую погоду согласна

А привередничать не стоит
Я-то знаю, что я не умру
Слова меня уже боятся
Так хочется сделать волшебное что-то
Бесснежное земное дно
Я буду грязь в лесу месить
«Ничего не поделаешь», - я говорю
Хорошо бы поселиться
И что ни час, то звёздный, звёздный
А знаешь, я всё проверяю на свет
Ах так? Велишь мне быть старухой?
А можно я тобой побуду
Какое веселье! Куда я попала!
Душа, я тебе ещё не надоела?
А песня, что ещё не спета
Как дела? Да никак. Нету дел никаких
А небо, небо дорогое